

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

Антидискриминационный центр «Мемориал» (Санкт-Петербург) изменил название и юридический статус. «Точное название организации – БЧУ АДЦ «Мемориал», а теперь мы – просто АДЦ «Мемориал», без юридического лица в России, но с сохранением основных направлений работы», – приводит слова представителя правозащитной организации интернет-издание «Кавказский узел».

«РАБОТА, НАПРАВЛЕННАЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ»

2 марта в Москве и Санкт-Петербурге прошли антивоенные митинги россиян, которые вышли с протестом против ввода российских войск в Крым.

Во время антивоенного митинга в Санкт-Петербурге сотрудники ОМОНа задержали нескольких участников акции, среди которых была российская правозащитница, руководитель Антидискриминационного центра «Мемориал» Стефания Кулаева.

Агрессивно настроенные люди разорвали плакат с надписью «Аншлюс Крыма – позор России», который она держала в руках. С.Кулаеву затолкали в автобус, где она находилась вместе с остальными задержанными участниками акции в течение 8 часов. В протоколе указано, что она «участвовала в антиправительственном митинге с целью формирования общественного мнения для изменения государ-

ственных структур». Позднее на Стефанию завели административные дела по двум статьям («неповиновение законному требованию сотрудника полиции» и «участие в несанкционированном публичном мероприятии»).

Позднее на сайте АДЦ «Мемориал» С.Кулаева опубликовала открытое письмо к депутатам Законодательного собрания Санкт-Петербурга, где подробно описала события и просила высказать оценку произошедшего.

«Граждане депутаты! Обращаюсь к вам по поводу нападения 2 марта 2014 года на участников мирной серии пикетов на

На снимке: Стефания Кулаева 2 марта с плакатом, разорванным неизвестными провокаторами. Фото из архива АДЦ «Мемориал», Санкт-Петербург

Окончание на с. 2 >

В НОМЕРЕ:

ЛОКОМОТИВ ДЛЯ ИНГУШЕЙ с. 3

ПОЛЯКИ ИЗ-ПОД МУРОМА с. 4

ЕДИНСТВЕННЫЙ ИЗ СПИСКА с. 6

ГУЛАГ, ГУСМП И ОСВОЕНИЕ АРКТИКИ с. 10

Те, кто хоть как-то следят за событиями вокруг Украины, слышали про крымских татар. Однако далеко не все представляют себе историю этого народа в XX веке. По обвинению в пособничестве немецко-фашистским захватчикам 17–18 мая 1944 г. 191 тысяча крымских татар был депортирован из Крыма.

Уже в 1960-е гг. начались неофициальные попытки собрать информацию о числе погибших¹. Например, на известном «Ташкентском процессе» 1969 г. над десятью активистами крымско-татарского движения свидетель Юсуф Сулейманов заявил следующее: «Я хочу сказать, что из нашей деревни, где было 206 человек, умерло 100 че-

ловек, т.е. больше 9% депортированных»².

В итоге после нацистской оккупации и советских депортаций (кроме крымских татар депортировали немцев, греков, армян и болгар) в Крыму осталось жить всего 379 тысяч человек (перед войной жило 875 тысяч)³. После войны власть стала переселять людей в Крым на место депортированных. В результате, когда крымские татары пытались вернуться в 1960-е или возвращались в конце 1980-х, они обнаруживали, что в их домах живут другие люди, а рабочих мест нет. Конечно, это не могло не создавать социальной напряженности.

Советская власть постаралась уничтожить и память о крымских татарах, сделать то, что

Мандельштамовские эшелонные списки дважды публиковались полностью и еще дважды – частично. Эти публикации, в особенности частичные – более адресные, с неслучайной аудиторией, вынесли на свет божий немало подробностей судьбы некоторых из попутчиков О.Э. Мандельштама, но практически ничего не добавили к нашему знанию о том, что происходило с самим поэтом в растянувшимся на целый месяц пути навстречу смерти.

ПОПУТЧИКИ И СОЛАГЕРНИКИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Единственное исключение – Константин Евгеньевич Хитров («физик Л.»), на чей рассказ опиралась в своих «Воспоминаниях» Н.Я.Мандельштам (к Хитрову мы еще вернемся).

Упомянем и своего рода апокриф о станции Партизан¹, что на главном ходе Транссиба. История – или легенда? – зафиксировала стоянку «мандельштамовского» эшелона на этой станции. 11 октября 1938 г. он переставал здесь накануне последнего броска ко «Второй Речке», до которой оставался перегон всего в 70 км.

Николай Иванушко, ныне живущий в г. Большой Камень Приморского края, а тогда 10-летний пацан, получил – якобы из рук самого Мандельштама! – записку. В тот день он спешил, как обычно, на другую сторону станции к строящемуся их семейному дому. «Надо было полить помидоры на огороде», – объяснял, словно бы вернувшись в свое далекое детство, пенсионер Иванушко. Хотел пролезть под вагоном, как вдруг услышал тихий, спокойный голос: «Мальчик, мальчик, возьми эту записку!» Лица того мужчины он не разглядел в десятисантиметровую щель-окошко. Поднял брошенный ему клочок обыкновенной грязновато-серой бумаги (в такую мыло в магазинах заворачивали), на которой карандашом корявым почерком было на-

писано примерно следующее (текст по памяти): «Меня везут на Дальний Восток. Я человек видный, пройдут годы, и обо мне вспомнят. Иосиф Мандельштам»².

Как именно такой разговор мог произойти, непонятно, но все же возможно, что поэт сумел выбросить записку из коридорного окна, когда шел на очередную opravку. Но даже если эта новелла придумана, Мандельштам все равно оказался прав: прошли годы, и о нем вспомнили, – и больше уже не собираются забывать³.

Еще раз: именной список «мандельштамовского» эшелона публиковался полностью дважды: в 2008 г. в дальневосточном альманахе «Рубеж» и в 2010 г. в книге «Слово и Дело» Осипа Мандельштама⁴. Признаться, мы рассчитывали на то, что его прочтут и на него отзовутся родственники тех, кто увидел и узнал бы «своих» в этих нескончаемых строчках. Но не отозвался, увы, никто.

Конечно, мы переоценивали силу и проникаемость печатного слова – этого «стареющего сына» глиняных табличек и папирусов. Как только небольшой фрагмент списка – всего несколько десятков еврейских фамилий, выбранных из перечня тех лишь, кого, как и Мандельштама, делегировали в эшелон Бутырки, –

Окончание на с. 7 >

КРЫМСКИЙ ЭНДШПИЛЬ

ловек (после депортации), 18 человек я сам похоронил <...>. Я могу назвать еще всех умерших из двух деревень, привезенных с нами, если это вас интересует».

Понятно, что неофициальные подсчеты количества погибших (активисты крымско-татарского движения утверждали, что за 1944–1946 гг. погибло 46,2% всей нации⁵) могли быть преувеличенными. Однако эта деятельность вынудила официальные власти в рамках расследования уголовных дел наводить справки в архивах КГБ. Так, выяснилось, что, даже по официальным данным, только за период с мая 1944 г. по январь 1945 г. умерло 13,5 тысячи

Павел Полян назвал «топонимическими репрессиями». Так, практически все населенные пункты Крыма сменили свои названия, даже Ялта на время стала Красноармейском⁶. Крымская автономная республика была ликвидирована и была создана Крымская область в составе РСФСР, а с 1954 г. – в составе УССР.

Советская власть предпринимала значительные усилия для решения (в ее понимании) проблемы крымских татар. Например, в переписи населения 1970 г. крымских татар не было вообще, они были объединены с остальными татара-

Окончание на с. 2 >

КНИГИ «ВОЗВРАЩЕНИЯ»

В издательстве «Возвращение» в прошлом году вышло 7 новых книг. «30 октября» попросила Семена Самуиловича Виленского коротко рассказать о каждой из них Наталье КРАЙНОВОЙ, специальному корреспонденту Интернет-издания «Кавказский Узел».

«Московское историко-литературное общество «Возвращение» объединяет бывших узников ГУЛАГа – в большинстве своем авторов воспоминаний, художественных произведений, исторических исследований, свидетельствующих о преступлениях советского режима, участников европейского Сопротивления – узников нацистских лагерей, а также тех, кто содействует нашей деятельности» – так формулирует цели издательства Семен Виленский.

«Эхо ГУЛАГа» – двуязычный (на чешском и русском языках) сборник рассказов и воспоминаний узников ГУЛАГа. В.Рубанович знакомит читателей с начальником лагеря, который проявлял человечность по отношению к заключенным. И.Фильштинский описывает атмосферу одной из забастовок. Все отобранные рассказы, включая чеху Я.Бачковского, дают представление о жизни иностранцев в лагерях.

Сергей Эфрон, «Писательское русло». Это переиздание автобиографической прозы мужа Марины Цветаевой, первое издание которой «Возвращение» выпустило в 1998 г. под названием «Записки добровольца». Сюда вошли рассказы и статьи начала 1920-х гг. В них Сергей Эфрон – русский офицер, воин Добровольческой армии, участ-

Окончание на с. 9 >

➤ Окончание. Начало на с. 1

Исаакиевской площади. Люди вышли на площадь, чтобы выразить свою озабоченность ситуацией в Крыму, заявить о своем неприятии ввода российских войск на территорию Украины, призвать к миру. Это были мирные люди — среди них много пожилых людей, женщин с детьми. Но были на площади и агрессивно настроенные мужчины, выделявшиеся черной одеждой и оранжево-черными ленточками на ней: они бросались на людей, выхватывали и рвали плакаты, оскорбляли мирных пикетчиков, плевали в них и рукоприкладствовали». [Со стороны могло казаться, что Милонов имеет отношение и даже руководил их действиями]*.

«В самом начале пикета я стояла в отдалении от группы собравшихся, выполняя требования полицейского «держаться дистанцию 50 метров». [Милонов вышел на газон и указал пальцем в сторону Кулаевой. После этого к ней бросился] «высокий и страшный мужчина в черном с бантиком на куртке, схватил мой плакат, порвал и выкинул в урну. Это был несомненный акт насилия, нанесший мне моральный и материальный ущерб. На моих глазах рвали плакаты у других мирных демонстрантов, наносили им удары по лицу, толкали, оскорбляли. Все это происходило в присутствии большого количества полицейских и даже прокуроров, люди пытались привлечь внимание представителей власти к недопустимым действиям [нападавших], но безуспешно. Задерживали нас, не совершивших ни-

Проверка АДЦ «Мемориал», проведенная прокуратурой Санкт-Петербурга, выявила в работе центра признаки осуществления «политической деятельности».

«Установлено, что учреждением велась информационная работа, направленная на формирование общественного мнения о неэффективности законодательства Российской Федерации и призывающая к противостоянию действующей власти и государственным структурам. При этом финансирование деятельности указанного центра в основном осуществлялось за счет получения грантов и целевых пожертвований, полученных от представителей и организаций Венгрии, Франции, Швеции и других иностранных государств», — сообщают в прокуратуре. «С учетом отказа Благотворительного частного учреждения защиты прав лиц, подвергающихся дискриминации, Антидискриминационный центр «Мемориал» в соответствии с законодательством о некоммерческих организациях зарегистрироваться в органах Министерства юстиции Российской Федерации в качестве иностранного агента прокурором Адмиралтейского района Санкт-Петербурга в Ленинский районный суд Санкт-Петербурга направлено заявление о признании учреждения некоммерческой организацией, выполняющей функцию иностранного агента. Ленинским районным судом 12 декабря 2013 г. указанное требова-

«РАБОТА, НАПРАВЛЕННАЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ»

каких противозаконных действий, а не их — хотя они сознательно провоцировали массовые беспорядки».

Преследование АДЦ «Мемориал» началось более года назад, когда прокуратура объявила доклад «Цыгане, мигранты, активисты: жертвы полицейского произвола», представленный Комитету ООН против пыток в ноябре 2012 г., доказательством того, что АДЦ «Мемориал», не зарегистрировавшийся в качестве «иностранного агента», занимается «политической деятельностью», что является нарушением принятого незадолго до этого закона об иностранных агентах.

В мае и июле 2013 г. НКО успешно выиграла оба дела, возбужденных против нее с подачи прокуратуры. Однако 12 декабря 2013 г. петербургский суд удовлетворил новое ходатайство прокуратуры: признать все действия АДЦ «Мемориал» «политической деятельностью» и обязать его зарегистрироваться в качестве «иностранного агента».

«Прокуратура сама признает неопределенность понятия «политическая деятельность» в законе о некоммерческих организациях. Прокуратура пытается сослаться на федеральный закон «О политических партиях», чтобы доказать, что формирование общественного мнения через распространение мнений является политической деятельностью. В качестве примеров определения термина «государственная политика» прокуратура ссылается на указы президента РФ «О долгосрочной государственной экономической политике» и «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». Однако эти ссылки явно не относятся к делу, не касаются тех вопросов общественной жизни, о которых высказывался АДЦ», — сказала в своем выступлении на суде Ольга Цейтлина, адвокат АДЦ «Мемориал».

ние удовлетворено. 8 апреля 2014 г. Санкт-Петербургский городской суд согласился с позицией прокуратуры города и признал решение районного суда законным и обоснованным», — проинформировал официальный сайт ведомства.

Решение суда по делу АДЦ «Мемориал» было принято в тот же день, когда Конституционный суд РФ постановил, что закон об иностранных агентах не противоречит Конституции страны. Целый ряд НКО и бывший уполномоченный по правам человека Владимир Лукин требовали признать не соответствующим Конституции этот закон на том основании, что он ограничивает свободу самовыражения и свободу ассоциации.

По мнению Amnesty International, решение суда 8 апреля в Санкт-Петербурге отклонить апелляцию Антидискриминационного центра «Мемориал» является юридическим давлением на все гражданское общество в России.

«Мы ликвидируем организацию. Не считаем, что нам надо совершать самооговор, — передает слова Стефании Кулаевой IA REGNUM. — Мы не выполняли ничьих заказов, когда писали свой отчет в ООН. Работу свою по защите прав мигрантов, этнических меньшинств и других дискриминируемых групп мы будем продолжать и без юридического лица — как группа экспертов».

Стефания Кулаева считает преследование АДЦ «Мемориал» ярким примером возвращения власти России к практике гонений на свободу слова, практике политических репрессий советского времени.

По материалам АДЦ «Мемориал», интернет-издания «Кавказский узел», IA «Интерфакс», IA «REGNUM»

* [1] — текст открытого письма адаптирован в связи с требованиями российского законодательства к СМИ, оригинальный текст можно прочесть на сайте <http://adcmemorial.org>

КРЫМСКИЙ ЭНДШПИЛЬ

➤ Продолжение. Начало на с. 1

М А Н Д А Т

Представителя крымскотатарского народа

Мы, граждане крымскотатарской национальности доводим до сведения всех организаций и должностных лиц, куда и к кому сочтет необходимым обратиться предъявитель сего — гражданин, что он является нашим полномочным представителем.

Мы уполномачиваем его участвовать при обсуждении на любом уровне и принимать от нашего имени решения по нашему национальному вопросу, т. е. по вопросам о возвращении крымских татар на Родину — в Крым, восстановления национальной государственности и равноправия крымскотатарского народа.

Любой документ, имеющий отношение к нашему национальному вопросу, подписанный гражданином, имеет силу документа, скрепленного нашими подписями.

В случае не соответствия заявлений и действий гражданина, нашим интересам мы сохраняем за собой право лишить его полномочий специальным обращением в адрес соответствующих организаций и должностных лиц за подписью нижеподписавшихся.

ми. В ответ в 1973–1974 гг. крымские татары провели самоперепись!

Активисты крымско-татарского движения боролись не только за свое будущее, которое подавляющее большинство связывало с Крымом (несмотря на попытки советской власти доказать крымским татарам, что они уже прочно укоренились в Узбекистане), но и за свое прошлое. Они активно выступали против историков и писателей, которые, по их мнению, клеветали на крымских татар.

Борьба за прошлое велась вокруг трех болевых точек. Во-первых, кто раньше всех поселился в Крыму. Так, крымские татары возражали против утверждений вроде: «...крымский полуостров — издревле славянская земля...»; «...Крым неоднократно подвергался нашествию разных чужеземных народов. Некоторым из них удавалось захватить отдельные районы Крымского полуострова и удерживать под своей властью довольно продолжительное время. Но все эти чужеземные пришельцы являлись в Крым в качестве временных завоевателей, захватчиков чужой земли. Только русские имели неоспоримые исторические права на Крым как на свою древнерусскую территорию»⁶.

Во-вторых, крымских татар оскорбляли утверждения о характере экономики Крымского ханства. Например, такие: «Крымские татары мало и неохотно занимались мирным хозяйством... Разбойничьи набеги являлись профессией крымских татар» или такие «...Крымские татары были ненадежны. Они могли в любой критический момент изменить данной присяге»⁷.

Третья болевая точка — замалчивание участия крымских татар в партизанском движении в годы Второй мировой войны. Например, в конце 1960-х гг. группа крымских татар побывала в Крымском краеведческом музее в Симферополе и оставила запись в Книге отзывов о том, что в экспозиции музея не отражено участие крымских татар в Великой Отечественной войне и в

борьбе за советскую власть в Крыму; на стенде «Наши земляки — Герои Советского Союза» нет фотографий крымских татар, удостоенных этого высокого звания. Директор музея написал донос в КГБ, а страницы с записями были выдраны из Книги отзывов и подшиты к делу.

В середине 1950-х г. зарождается движение крымских татар за возвращение в Крым, которое со временем приобретает размах и структурированность, которым могли бы позавидовать московские правозащитники.

Основной формой работы этого движения стали массовые (десять тысяч подписей) обращения к советской власти. В этих документах крымские татары апеллировали к работам Ленина. Ссылки на Ленина не были просто для «верноподданнической галочки», у крымских татар был настоящий культ Владимира Ильича, поскольку именно он принял решение о создании автономной республики. Однако Советский Союз весьма неоднозначно относился к несанкционированному использованию трудов основателя коммунистической партии. Вот отрывок из допроса крымско-татарского активиста в 1968 г.

«Вопрос: Вам предъявляется изъятый при обыске у Гафарова Ридвана рукописный текст цитат из произведений Ленина, том 24, стр. 125, издания 5. Кем они выписаны?»

Ответ: С предъявленными мне сейчас двумя цитатами из Ленина, касающимися свободы национального меньшинства и равноправия наций, я ознакомился. Выписал я эти цитаты лично сам из тома 24, стр. 125, изд. 5».

Это 1968 год. Только что с размахом отметили 50-летний юбилей советской власти и уже начали готовиться к 100-летию со дня рождения Ленина.

Указ 1967 г. снял с крымских татар огульные обвинения в коллаборационизме, но отнюдь не означал, что они могли вернуться на родину.

Нельзя сказать, что крымские татары совсем не могли в 1970-е гг. попасть в Крым. По официальным

данным, за 1967–1973 гг. в Крым переселилось 3496 крымских татар. Для сравнения: в 1990–1991 гг., когда стало возможно переселиться в Крым, этой возможностью воспользовались около 100 тысяч человек⁸.

Советская власть всячески препятствовала возвращению крымских татар. Так, 9 июля 1978 г. председатель КПУ Щербицкий информировал ЦК КПСС, что: «Партийными, советскими, административными органами Крымской области, КГБ при Совете Министров УССР и МВД УССР проводится разъяснительная, профилактическая и оперативная работа по разоблачению и упреждению враждебных выпадов татарских экстремистов, предпринимаются меры противодействия нежелательным акциям с их стороны. Предложения по укреплению паспортного режима в Крымской области с учетом ее специфики и сдерживанию неорганизованного массового заезда татар в Крым внесены нами в ЦК КПСС 18 мая с.г.»⁹ В результате было принято постановление Совета министров СССР № 700 от 15 августа 1978 г., ужесточающее режим прописки в Крыму.

Крымские татары, которые приезжали в Крым, не могли прописаться. При этом крымский татарин много раз приходил и просил его прописать, местные власти отказывали, а потом его судили за нарушение паспортного режима. Без прописки он не мог устроиться на работу, а без работы не мог прописаться. Местные жители были настроены к приезжающим крымским татарам по-разному, кто-то резко негативно, кто-то соглашался продать дом (по достаточно высокой цене), но часто власти заставляли расторгать эти сделки. Получался замкнутый круг, выход из которого бывал и трагичным.

23 июня 1978 г. житель села Донское Муса Мамут, который уже был осужден за нарушение паспортных правил и против которого возбудили очередное дело, совершил самоубийство. Его похороны пре-

вратились в грандиозную оппозиционную манифестацию, он стал национальным героем. Сейчас его именем названы улицы в Судак, Ялта и Симферополе.

Сотни крымских татар в 1960–1980-е гг. были обвинены в нарушении паспортного режима и высланы из Крыма. Эти люди не поддаются под действие российского Закона о реабилитации 1991 г.

В середине 1960-х годов в движении возникли противоречия между теми, кто считал, что апеллировать надо только властям (обращались не только в государственные и партийные органы, но и в Союз писателей СССР, т.е. правда, пересылали эти письма в КГБ), и теми, кто считал, что можно общаться с московскими правозащитниками, отправлять документы на Запад...

Однако вскоре это разногласие было преодолено. Огромную роль в этом сыграл неформальный лидер движения крымских татар Мустафа Джемилев, который в 1969 г. стал одним из основателей первой правозащитной ассоциации — Инициативной группы по защите прав человека в СССР.

В 1970-е гг. обращаться к Генеральному секретарю ООН и ссылаться на Всеобщую декларацию прав человека стало делом естественным. Из обращения 1974 г.: «Мы, один процент крымских татар, сумевший вернуться на родину, обращаемся в Организацию Объединенных Наций... с просьбой создать комиссию для расследования на месте положения нашего народа и помочь нам добиться прекращения дискриминации нашего народа и восстановления его национальных и человеческих прав на родной земле. Во избежание новых арестов и преследований данное Обращение направляется к Вам без подписей, но с одобрения всех живущих в Крыму крымских татар»¹⁰.

Еще одной формой работы стал институт представителей с мандатами от крымско-татарского народа, которые передавали коллективные обращения в Москву и добивались встреч с советским руководством.

Важным фактором в движении стали «Информации», нерегулярно выходившие бюллетени объемом от нескольких до нескольких десятков страниц, в которых рассказывалось о преследованиях крымских татар в Крыму и о работе представителей крымско-татарского народа в Москве. Первая «Информация» о деятельности представителей крымских татар в Москве вышла 29 июня 1965 г. — за полгода до «митинга гласности», проведенного московскими правозащитниками, с которого принято отсчитывать начало диссидентского движения. «Информации» считаются одними из предтеч «Хроники текущих событий».

Кстати, читая о многочисленных и многолюдных демонстрациях крымских татар, понимаешь, что события 6 мая 2012 г. — лишь проявление традиционного в нашей стране отношения власти к свободе собраний. Так, например, сообщение председателя КГБ при СМ УССР В. Никитченко про проведение крымскими татарами несанкционированных мероприятий: «Несмотря на неоднократные призывы представителей органов власти к собравшимся разойтись, сборище продолжалось, угрожая перерасти в массовые беспорядки. Для рассеивания толпы были применены пожарные машины и дымовые шашки. <...> В целях недопущения перерастания сборища в массовые беспорядки органами власти

были применены физические меры по рассеиванию толпы. Из числа подстрекателей к массовым беспорядкам задержаны 111 человек. Из них несколько человек привлечены к уголовной ответственности за нанесение телесных повреждений сотрудникам милиции»¹¹.

В конце 1980-х гг. крымские татары стали возвращаться, однако Украина не приняла закона об их реабилитации, а будучи гражданами Украины, крымские татары не получали компенсаций по российскому закону о реабилитации.

Более того, на протяжении последних 20 лет украинская власть не смогла решить проблемы крымских татар, а в Крыму сформировалось своего рода троевластие — украинская власть, местная крымская власть, т.е. коммунисты, и Меджлис крымских татар. Меджлис является исполнительным органом национального съезда (парламента) крымских татар — Курултая крымско-татарского народа, избираемого каждые 5 лет на всеобщих выборах.

17 апреля 2014 г. Верховная рада наконец приняла подготовленный Мустафой Джемилевым закон «О восстановлении прав лиц, депортированных по национальному признаку». Однако Украина уже не контролирует территорию Крыма.

21 апреля 2014 г. президент России подписал указ «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития».

Однако крымские татары настроены скептически. Глава Меджлиса Рефат Чубаров заявил: «Принятый указ, если вы его проанализируете, позволяет говорить о том, что в его подготовке не принимали участия те люди, которые глубоко знают крымско-татарскую проблему, которые переживают за нее и, соответственно, очень многие из тех ожиданий, которые есть у крымских татар в отношении к своему будущему, в этом указе в одном случае не отражены, в другом случае даже если упомянуты, то непонятен механизм исполнения тех декларативных вещей, которые есть в этом указе»¹².

В настоящее время ситуация с крымскими татарами очень тревожная — ходят слухи о готовящемся переселении, Мустафа Джемилев испытывает трудности с возвращением в Крым, а риторику советских документов воспроизводит самозваный премьер Крыма Аксенов, который заявил: «Если Меджлис и дальше будет провоцировать [вывешивать украинский флаг], то придется признать эту группу экстремистской. Они провоцируют межнациональную рознь».

Есть ощущение, что крымские и российские политики начались книг 60-летней давности и старательно копируют оттуда цитаты. Например: «...В 1783 году был совершен акт исторической справедливости — Крымский полуостров был включен в состав России». Думаете, это из методички по истории Крыма для российских школ (в которой крымские татары, а уж тем более их депортация, вообще не упоминаются)? Нет. Это из «Крымских путешествий» Веры Ветлиной 1955 года.

Алексей МАКАРОВ,
научный сотрудник НИИПЦ
«Мемориал», Москва

На снимке: Мандат представителя крымско-татарского народа, изъятый при обыске у Алексея Костерина в 1968 г. Архив «Международного Мемориала»

Жители республики, а также ее гости уделяют повышенное внимание теме депортации ингушского народа. Всплеск интереса вызвало появление в мемориальном комплексе жертвам репрессий настоящего вагона с локомотивом. В таких вагонах депортированных отправляли в места ссылки. Эти экспонаты достались музею в дар от РЖД к 70-летней годовщине депортации.

«Идея построить памятник жертвам депортации 1944 г. возникла после развала СССР на волне патристического подъема, когда стало возможным открыто говорить на эту тему. Мемориальный комплекс был построен в 1997 г. на пожертвования разных людей — бизнесменов, частных лиц, государственных организаций, — рассказала корреспонденту газеты «30 октября» замдиректора по научной работе мемориального комплекса жертвам репрессий Зарифа Саутиева. — Автором проекта стал народный художник РФ Мурад Паланков. Площадь мемориала составляет 4 гектара. На момент его создания это был самый масштабный памятник жертвам репрессий на постсоветском пространстве. К такому выводу я пришла, ознакомившись в реестре памятников, который ведет Сахаровский центр».

Памятник построен в виде 9 башен, обтянутых колючей проволокой — символом несвободы. Идея открыть на его территории музей возникла позже. «Наш музей — это четырехэтажное здание высотой 25 метров, — продолжает сотрудница музея. — Экспозиции находятся пока только на первом этаже. Для того чтобы использовать остальные площади под экспозиции, рассказывающие о жизни ингушей в различные исторические эпохи, нам необходимо дополнительное финансирование. Речь идет об относительно небольшой сумме — 5 млн руб. Этой суммы нам хватило бы на все: на ремонт, приобретение фондового и экспозиционного оборудования, создание экспозиций».

В музее, по словам Саутиевой, отражены «все трагические страницы истории ингушского народа». «Эти страницы, — с горечью констатирует замдиректора мемориала, — не исчерпываются одним 1944 годом. Это и турецкое переселение второй половины XIX в., когда после завершения Кавказской войны продолжением колониальной политики было переселение непокорной части горцев. То есть формально все было добровольно, им обещали дать в Турцию хорошие земли, поселения, автономии, возможность исповедовать свою веру. На самом деле их поселили в необжитых местах, и практически все переселенцы погибли в первый же год от голода и различных заразных болезней. Тогда переселили 25 тысяч ингушей, и только малая их часть выжила. Точная статистика жертв отсутствует. В экспозиция нашла свое отражение и трагедия 1992 г. — так называемый осетино-ингушский конфликт».

«Фонды музея, а в них, по нашим оценкам, около 5 тысяч экспонатов, собирались всем миром: нам помогли музеи, которые существовали тогда в Ингушетии, люди дарили то, что они сумели сохранить. В основном это документы, личные дела спецпереселенцев, предметы этнографии, — рассказывает Зарифа. — Есть у нас один очень ценный экспонат: ковер ручной работы XIX в. (на фото). Этот ковер пережил депортацию вместе со своими хозяевами. Несмотря на их очень тяжелое положение, они не продали этот ковер, и сейчас он находится в нашем музее».

Музей находится в Назрани на Бакинской трассе. Он открыт 7 дней в неделю. Плата за его посе-

называется «Испытания: семьдесят лет спустя». Это фотопортреты стариков, переживших депортацию. Очень впечатляющая выставка. Есть у нас и постоянная рубрика, которая называется «История одной семьи». В ней мы представляем людей, которые были депортированы, их воспоминания, их взгляд на то, что им пришлось пережить. В проекте «Я очевидец» мы собираем аудиозаписи и фотоархивы стариков, переживших депортацию».

Как отмечает сотрудница музея, в этом году наблюдается увеличение интереса к теме депортации. Это, по мнению Зарифы, связано с 70-летней годовщиной. «У нас на мемориале к этой дате появилась

ЛОКОМОТИВ ДЛЯ ИНГУШЕЙ

шение носит символический характер: взрослый билет стоит 20 руб., детский — 10 руб. В год, по словам Саутиевой, музей посещают около 30 тысяч человек.

«У нас есть постоянная экспозиция, посвященная тематике 1944 г. Она так и называется: «23 февраля 1944 года. Как это было», — рассказывает Зарифа. — Кроме того, мы регулярно делаем новые временные выставки. Сейчас, к примеру, в нашем музее представлен очень интересный проект, автором которого является московский фотожурналист Дмитрий Беляков. Проект

новая композиция. РЖД передали нам вагон и локомотив, в которых депортировали ингушей. Это настоящие экспонаты того периода. В вагоне мы воссоздали ту обстановку, которая была тогда: чемоданы, предметы быта, которые люди смогли взять с собой. Количество посетителей заметно увеличилось: когда видишь все своими глазами, по-другому воспринимаешь эту трагедию», — отметила Саутиева.

Семья самой Зарифы подверглась депортации. «Мой отец в 12 лет стал

Окончание на с. 4 ➤

Ингушский «Мемориал» представил 22 марта в московском государственном музее истории ГУЛАГа книгу Александра Божедомова «Выселение ингушей и чеченцев. Архивная хроника: январь 1943 г. — январь 1944 г.».

«Профессор Грозненского нефтяного института Александр Божедомов собрал коллекцию документов сталинской эпохи, — рассказала руководитель Ингушского «Мемориала» Мария Яндиева. — Во время перестройки, в конце 1980-х гг. ему удалось получить уникальные документы из фондов бывших архивов Чечено-Ингушского обкома КПСС, НКГБ и НКВД ЧИАССР. Частично эти материалы были опубликованы в 1992–1993 гг. в грозненской газете «Импульс»».

По ее словам, Божедомовым были собраны материалы не только о тщательной и заблаговременной подготовке сталинского геноцида, но и о Большом терроре 1937–1938 гг. в Чечено-Ингушетии. «К сожалению, его архив сгорел вместе с квартирой в Грозном в декабре 1994 г. От архива Александра Божедомова остался только пепел».

«Ингушский «Мемориал» сумел собрать практически все публикации газеты «Импульс» с комментариями автора, ежемесячно отображающие неизвестные подробности подготовки депортации на уровне местного партийно-государственного управления», — рассказал историк-архивист Адам Мальсагов, который также занимался восстановлением архива Божедомова».

Марьям Яндиева в своем выступлении остановилась на основных аспектах сталинского преступления 1944 г., касающихся статистики, подлинных причин депортации ингушей и чеченцев, ее поэтапной подготовки. Фотографии ингушских репрессированных, их личные документы собраны в постоянно пополняющемся проекте «Народная история», руководителем которого является Ибрагим Костоев».

О депортированных чеченцах и ингушах с 1960-х гг. пишет и рассказывает Исса Кодзоев — один из самых известных современных ингушских писателей, педагог, общественный деятель, бывший советский диссидент и политзаключенный. Будучи студентом, он начал записывать случаи из жизни ингушей и чеченцев после их депортации в Казахстан в 1944 г., подвергая рассказы очевидцев небольшой литературной обработке. Результатом этой работы стал сборник «Казахстанский дневник», за который Исса был арестован. Более подробно о судьбах и книгах И.Кодзоева и А.Божедомова «30 октября» расскажет в следующем номере».

По материалам интернет-издания «Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru

1. Ташкентский процесс: Суд над десятью представителями крымско-татарского народа (1 июля — 5 августа 1969 г.). Сб. документов. Амстердам: Фонд имени Герцена, 1976. С. 521.
2. Хроника текущих событий № 31 (обращение 1966 года)
3. Там же.
4. Поляна. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, 2001. С. 127.
5. Там же.
6. Надинский П. Очерки по истории Крыма. Ч. 1. Симферополь: Крымиздат, 1951. С. 3.
7. Там же. С. 65, 99.
8. Бекирова Г. Крым и крымские татары в XIX–XX веках. М., 2005. С. 248–249.
9. Крымский татары: шлях до повернення. Сб. документов и материалов. Ч. 2. Киев, 2004. С. 74.
10. Хроника текущих событий № 34.
11. Спецсообщение председателя КГБ при СМ УССР В.Никитченко про проведение крымскими татарами несанкционированных мероприятий // Крымский татары: шлях до повернення. Сб. документов и материалов. Ч. 1. Киев, 2004. С. 194.
12. Меджлис крымскотатарского народа. Официальный сайт <http://qtm.org>
13. Интернет-издание «Украинская правда» <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2014/04/20/7023102/>

ЛОКОМОТИВ ДЛЯ ИНГУШЕЙ

➤ Окончание. Начало на с. 3

сиротой, оставшись старшим в семье, — рассказывает Саутиева. — С этого возраста он вынужден был взять заботу о своих младших братьях и сестрах на себя. Все это отразилось на его здоровье. Он прожил всего 60 лет — не выдержало сердце».

Операция по переселению ингушей и чеченцев «Чечевица» началась 23 февраля 1944 г. Ею руководил лично нарком внутренних дел Лаврентий Берия. «Есть телеграмма, в которой он просит у Сталина разрешения остаться на Кавказе, чтобы лично проследить за ходом операции, — рассказывает Зарифа. — Видимо, этой операции придавалось большое значение».

Население ЧИАССР на момент начала операции составляло 480 тысяч человек, чуть более 100 тысяч из которых были ингушами. Цифра готовящихся к депортации ингушей составляла около 87 тысяч человек. Но историки говорят, что эти цифры были неточными, потому что в них не учитывались люди, находившиеся в этот период на фронте. Не были учтены и жители труднодоступных районов Ингушетии. Поэтому, по мнению Саутиевой, можно говорить о цифре около 100 тысяч человек.

«Официальная причина депортации — пособничество врагу. Якобы имели место случаи массового предательства, перехода на сторону врага, — рассказывает Зарифа. — Но эти обвинения звучат абсурдно хотя бы потому, что Ингушетия не была оккупирована врагом ни одного дня».

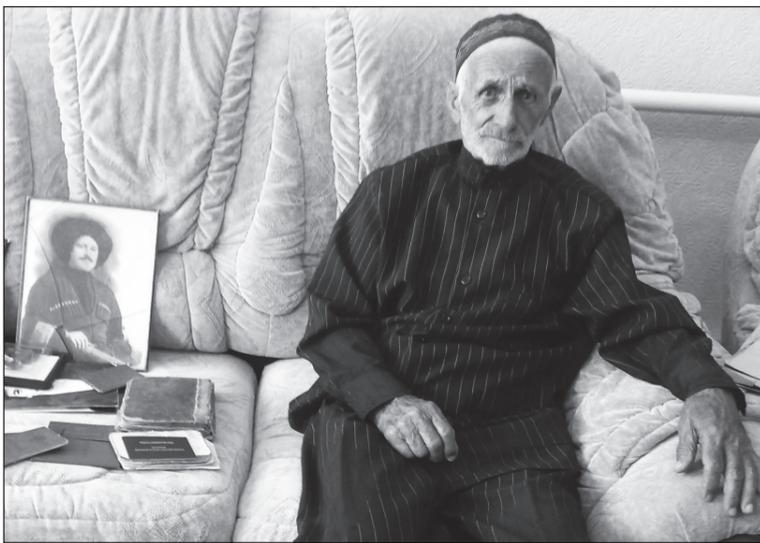
Ингуши, по мнению Саутиевой, напротив, внесли неоценимый вклад в разгром врага, ставший началом успеха советской армии. «Исход Малгобекской оборонительной операции в 1942 г., когда немцы были отброшены на Запад, стал началом успеха советской армии на Северном Кавказе, — считает сотрудница музея. — Именно благодаря тому, что фашисты не были пропущены к Малгобеку и Грозному, и был обусловлен, на мой взгляд, окончательный успех в разгроме фашистов под Сталинградом».

Накануне депортации в 1943 г. на постой почти в каждую ингушскую семью были определены на отдых советские солдаты. Многие из них, по словам Зарифы, отмечали гостеприимство и радушный прием местных жителей. «Позже эти солдаты осуществляли депортацию, — рассказывает Саутиева. — Но накануне выселения некоторые из них предупредили ингушей о готовящейся высылке. Одна старушка рассказывала, что офицер, находившийся у них на постое, заказал 30 хлебов. Они пекали этот хлеб всей семьей несколько ночей. А когда их выселяли, офицер сказал им забрать этот хлеб с собой. Таким образом он хотел им помочь, поскольку открыто сказать им о готовящейся депортации не мог».

Цифры погибших во время депортации, по различным данным, разнятся от 23% до 40%. На самом деле можно говорить о том, что в Ингушетию вернулись всего около 50% депортированных. «Мне кажется, что истинной целью переселения народов Кавказа было освоение огромных территорий Казахстана, а вовсе не наказание за какие-то «предательства», — считает Зарифа, — И момент был подходящим, и надуманный повод был: нужно было найти и покарать «виновных» в поражениях первых лет войны».

Зарифа вместе со своими коллегами посетила архивы Казахстана. «Там еще очень много документов, которые находятся под грифом «Секретно». Вроде и Советского Союза уже нет, и Казахстан уже другое государство, а доступа нет. Мне кажется, что доступ к этим документам появится только тогда, когда не останется в живых ни тех, кто исполнял решение о депортации, ни депортированных», — считает Саутиева.

Ян Рачинский, сопредседатель «Международного Мемориала», прокомментировал слова Саутиевой: «В Казахстане далеко не самая плохая ситуация. Там почти во всех областях созданы Книги Памяти — этим занимаются всерьез. КНБ Казахстана свою часть работы в большой степени выполнило. Вместе с тем складывается ощущение, что этой категории

репрессированных, депортированных и раскулаченных не уделено должного внимания. Думаю, уместно было бы написать запрос и соответствующим службам Казахстана откликнуться, окажут необходимое содействие».

У тех, кто пережил депортацию, остается чувство обиды. Оно связано с тем, что многие из них до 1992 г. жили в Пригородном районе, который входит сейчас в состав другой республики. «Пригородный район — это историческая колыбель ингушского народа, — напоминает историк. — Село Ангушт, которое дало русское название ингушского народа, тоже находится в Пригородном районе. Близ этого села находится Склон Согласия (Барта-Босе). Именно там ингуши подписали важный документ о добровольном вхождении Ингушетии в состав Российского государства. В 1770 г. они связали свою судьбу с Россией, и с тех пор мы вместе».

Несмотря на обиду, старики не сыпят проклятиями ни в чей адрес. Они воспринимают все случившееся философски: испытания посылает Всевышний.

Жертвы депортации вспоминают

Орснако Ахриев (на фото) вместе со своей семьей был выслан из Ингушетии 23 февраля 1944 г. «Тот день помню как сейчас. Рано утром шел снег, к нам в дом постучали два солдата. Они сказали, что отцу надо сходить в сельсовет. После того как отец пришел из сельсовета, он сказал, чтобы я быстро вывел корову из сарая, чтобы завалить ее. Только мы успели разделать корову, подъехала американская машина «студебе-

кер», — вспоминает Ахриев. — Нам сказали всей семьей садиться в этот грузовик. Отец с матерью подняли с постели детей — 3 девочек и 4 мальчиков. Нас повезли к поездам, которые тогда назывались «телятники» — в них грузили только скот. Внутри вагонов стояли буржуйки, вокруг которых обогрелись люди. Когда мы сели в вагон, отец сказал, что он забыл дома Коран. Мне пришлось побежать домой и забрать Коран».

В пути семья Ахриевых провела 2 недели.

«Попали мы в Кустанайскую область, Орджоникидзевский район, поселок Шункуркуль. Там прожили некоторое время, потом нас из-за моего дяди переселили в совхоз «Ворошиловский». Дело в том, что мой дядя был очень грамотным человеком, он работал в ссылке директором школы. Комендатура не любила его за то, что он жаловался, что переселенцы голодные, умирают от недоедания. Дядя вскоре умер, а после его смерти слез и мой отец. Он сказал мне тогда: «Если я умру, отвези меня в поселок Шункуркуль, туда, где похоронен мой брат». Там было уже целое кладбище, где хоронили переселенцев».

Вскоре после этого разговора отец Орснако умер. «Я побегал со своим односельчанам. Два человека — ингуш и чеченец, — сделали все, как нужно. Дело было в апреле, таял снег, и использовать сани было невозможно. Стали запрягать подводу, чтобы отвезти тело отца в Шункуркуль. Хороших быков нам не дали — они нужны были для посева. Нам дали пару хозяйственных быков, подводу, и мы отправились в путь».

Путь в Шункуркуль лежал через село Ивановка, до которого было около 8 км. На середине пути один из быков устал и лег на землю. «Мои попутчики сказали, что у них промокли ноги и они не могут дожидаться, пока бык отдохнет, — пойдут в поселок пешком. «Когда бык отдохнет, поезжай в Ивановку», — сказали они мне напоследок, — продолжает Ахриев. — Бык так и не поднялся на ноги, и мне пришлось ночевать с рядом с телом отца в степи. Я боялся, что волки, которых там было очень много, нападут на быков. Но этого, к счастью, не случилось».

Рано утром 13-летний мальчик услышал цоканье копыт. «Это был наш почталыон. Он был крайне удивлен, что я, мальчишка, провел ночь с мертвым человеком в степи, — рассказывает Орснако. — Мы поехали с ним в Ивановку в сельсовет. Я попросил председателя сельсовета заменить мне быка. Он отправил своего кучера с подводой, чтобы он отвез нас в Шункуркуль, до которого было 17 км». Там жили земляки Ахриевых. Они похоронили отца Орснако.

В совхозе подросток был скотником, гонял скот на водопой. Ему давали 2 л молока, и этим молоком он кормил свою семью — мать и шестерых братьев и сестер. В Ингушетию семья вернулась в 1957 г.

Зияуддин Джамалдинович Гайтукиев был на фронте, когда в 1944 г. его родителей вместе с 4 братьями и сестрой выслали. «Меня вызвал к себе командир полка и сказал, что ингушей выслали, — рассказывает Гайтукиев. — Чтобы не попасть в ссылку и остаться на фронте, я поменял имя, отчество и национальность».

Николай Денисович Гайтукиев до конца войны был в действующей армии. После ранения его комиссовали, и он отправился к своей семье в Казахстан. В каком году они вернулись в Ингушетию, Николай Денисович уже не помнит, говорит, что вернулись тогда, когда ингушам позволили это сделать. Но ни паспорт, ни национальность он менять после возвращения не стал.

Елена ХРУСТАЛЕВА,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

Фото Зарифы Саутиевой,
Лейлы Евлоевой,
Назарань, Ингушетия

ПОЛЯКИ ИЗ-ПОД МУРОМА

В конце 1960-х годов прошлого века судьба свела меня с Василием Николаевичем Щепкиным, художником и по совместительству руководителем театральной студии при доме культуры села Ляхи Меленковского района Владимирской области.

Я был студентом истфака Ивановского пединститута и собирал материалы по топонимике для курсовой работы. Щепкин давно дружил с моим отцом, учителем местной школы, что помогло быстрому установлению взаимного доверия и интереса.

Щепкин был признанным лидером группы местных интеллигентов и выпускал рукописный журнал «Гнилой зуб», в котором он критиковал местную власть, помещал карикатуры на партийных чиновников. В его гостеприимном доме часто собирались единомышленники, читали собственные стихи, размышляли о предназначении России, говорили об искусстве, спорили о творчестве Солженицына, Платонова и Пастернака.

Щепкин выдвинул версию о происхождении названия села от потомков польских повстанцев, посланных сюда после восстания Тадеуша Костюшко. Доказательством этого были распространенность в районе польских фамилий и названия ряда деревень.

Его красочные и убедительные рассказы побудили меня написать несколько стихотворений, которые призывали земляков вспомнить о своем происхождении и о борьбе за свободу.

Я успешно сдал курсовую, окончил институт и уехал по распределению в Красноярский край. Много позднее узнал, что после 1991 г. Щепкин издал несколько сборников своих стихов, в райцентре проходили выставки его картин. Умер он в возрасте 91 года, завещав свои картины местной школе и своим друзьям.

Интерес к судьбам поляков, живших в России, у меня продолжился, когда я стал работать в Муромском «Мемориале». По нашей инициативе была создана группа школьников, которая провела большую работу по поиску польских граждан, репрессированных на территории Владимирской области.

Дети работали с семейными и другими архивами, с документами, с людьми, жившими в те годы, и их родственниками. Были найдены более 100 поляков, подвергшихся политическим репрессиям на территории Владимирской области.

Все сведения были переданы руководителю регионального Центра польской культуры Кристине Кочетовой, которая передала их в консульство Польши. Может быть, кто-то наконец узнает о трагической судьбе своих близких и придет на место их захоронения.

С некоторыми родственниками репрессированных, живущими в нашем городе, мне довелось встретиться и побеседовать.

Особенное впечатление на меня произвел рассказ внучки красного командира Казимира Казимировича Питкевича, уроженца г. Минска. В ФСБ она прочитала его архивное уголовное дело, из которого сделала выписки.

Питкевич служил командиром пулеметной роты в г. Коврове Владимирской области, был грамотным и строгим командиром, пользовался авторитетом среди солдат как умелый организатор и душевный человек. Его рота была лучшей в боевой и политической подготовке, о чем не раз писали в военной газете.

В 1938 г. в Московском военном округе прошли большие учения, в которых подразделение Питкевича показало отличные результаты в стрельбе и маневрировании. Присутствовавший на маневрах нарком обороны К.Ворошилов лично вручил Питкевичу золотые часы с дарственной надписью. Отличившихся офицеров пригла-

сили в столовую отметить почетные награды.

Здесь счастливого и радостного Питкевича и схватили сотрудники НКВД. Его обвинили в шпионаже в пользу Польши. Со слов внучки, в начале допросов он все отрицал, а затем полностью признал свою вину и раскаялся в якобы содеянном. Через несколько дней его расстреляли. Где он похоронен и куда делись наградные часы, родственникам неизвестно.

Так трагически оборвалась судьба обычного советского гражданина, вся вина которого была в том, что он был поляком.

Проверки Муромского «Мемориала» Минюстом и прокуратурой, прошедшие в апреле 2013 г., очевидно, встревожили родственников Казимира Питкевича, и они уничтожили все свои выписки из уголовного дела, чтобы не искушать судьбу. На мои предложения найти место захоронения Питкевича и попытаться вернуть стоимость часов они попросили этого не делать.

Видимо, даже много лет спустя страх понести ответственность за репрессированных родственников не отпускает и наших современников, не стремящихся воспользоваться своими, пусть и урезанными, правами, предусмотренными законом о реабилитации.

Труд школьников, собиравших сведения о репрессирован-

ных поляках, был оценен по достоинству. Их наградили благодарственными письмами и подарками. Трое наиболее активных ребят были поощрены бесплатной поездкой в Польшу. Они жили и отдыхали в лагере харцеров (Союз польских харцеров, СПХ — скаутская организация Польши. — Примеч. ред.), среди которых нашли друзей. Вместе с польскими ровесниками ребята устанавливали палатки, готовили еду, ориентировались на местности, принимали участие в исторической реконструкции битвы и познакомились с достопримечательностями нескольких польских городов.

После возвращения школьники приняли решение продолжить свою работу по поиску репрессированных уроженцев Прибалтики, стран ближнего и дальнего зарубежья.

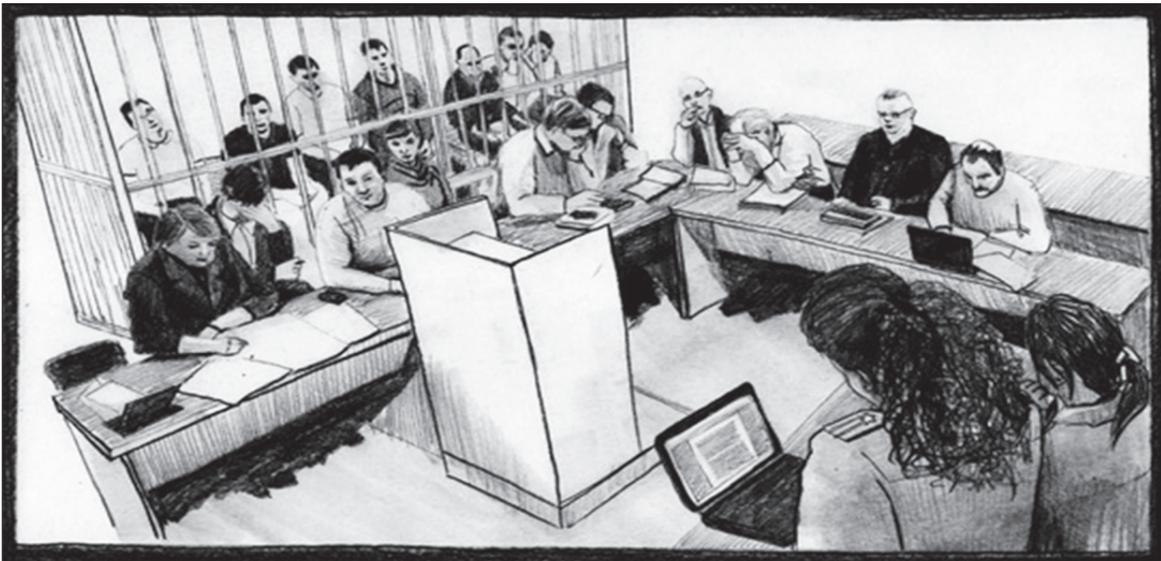
Уверен, что такой вектор поисковой работы поможет молодежи глубже понять масштаб и направленность сталинских репрессий, показать их жестокость и бессмысленность, объяснить в ряде случаев негативную оценку состояния прав человека в современной России.

Александр МАСЛОВ,
председатель правления
Муромского «Мемориала»
Муром, Владимирская область

«Когда люди видят эти рисунки, они понимают, что не только в прошлом, при Сталине, но и сейчас в России есть политзаключенные» — так выразил Александр Черкасов основную мысль прошедшей в помещении «Международного Мемориала» выставки работ проекта «Рисуем суд-2». В основном в экспозиции были представлены работы, посвященные процессу о беспорядках на Болотной площади 6 мая 2012 г., но также и рисунки, сделанные на других судах в России, Украине и Белоруссии.

Выставка была разделена на 2 части, которые условно названы «агитационной» и «исторической». В «агитационной» были собраны работы в поддержку тех, кто сейчас подвергается преследованию, в «исторической» же части экспонировались оригиналы рисунков с процессов, по которым осужденные уже вышли на свободу.

ТАМ, ГДЕ БЕССИЛЬНО СЛОВО

Как отмечали организаторы выставки, цель проекта «Рисуем суд-2», действующего с 2009 г., — показать графические работы, иллюстрирующие политические и другие имеющие важное общественное значение судебные процессы, создать убедительный и достоверный образ современного российского суда. К участию в проекте принимались (и вывешивались на сайте www.risuemsud.ru)

работы самых разных жанров: рисунки из зала суда; комиксы, в которых происходящее в судебном зале и за его пределами реконструировано с использованием текста, и проекты работ с применением любых средств современных медиа. К рисунку или серии рисунков прилагался текст с описанием сути процесса. В настоящий момент на сайте опубликованы рисунки почти полутора де-

сятков судебных процессов, в том числе таких известных, как второй процесс Ходорковского-Лебедева, дело Pussy Riot, дело Т.Осиповой, «Болотное дело».

В принципе как жанр рисунки из зала суда появились в XIX в. в Западной Европе, США и России. Они не исчезли с появлением фотографии, поскольку в подавляющем большинстве судов запрещалась любая фотосъемка. Своего

расцвета это искусство в XX в. достигло в США, даже несмотря на то, что начиная с 1970-х гг., отдельные суды все же решились допустить на процессы фотографов. В России подъем интереса к судебному рисунку начался после первого процесса Михаила Ходорковского, который зарисовал художник Павел Шевелев.

Одна из кураторов выставки Злата Понировская рассказала, что многие люди говорили ей, что проект не нужен, поскольку рисунки «все равно никого не освободят». «Но чем больше я этим занималась, тем больше понимала, что это нужно делать, — пришла на суд и нарисовав рисунок, я смогу рассказать о происходящем другим людям, и это будет альтернатива официальным СМИ. Это очень важно — записывать реплики, записывать самые безобразные моменты», — сказала она.

Ее коллега, куратор выставки Виктория Ломаско, заметила, что «Рисуем суд» позволяет людям объединить знания о разных судах и лучше понимать происходящее. «Многие процессы проходят мимо внимания людей, но когда эти сведения собираются вместе, то становится понятно, что происходящее — не случайность, везде происходят одни и те же мерзости», — резюмировала она. К теме объединения знания обратился и председатель Правления правозащитного центра «Мемориал» Александр Черкасов. Кстати, на сайте «Мемориала» можно найти список современных политзаключенных, часть которых можно увидеть на рисунках на выставке.

Сотрудник НИПЦ «Мемориал» Алексей Макаров подчеркнул значение выставки «Рисуем суд-2» для сохранения памяти о судеб-

ных процессах. «Мы часто акцентируемся на том, что происходит сейчас, но забываем о происходившем раньше. Много обсуждаем, но не всегда знаем, чем закончилось. Рисунки и тексты заполняют эти пробелы», — сказал он.

Ксения Косенко, сестра одного из осужденных по делу 6 мая, Михаила Косенко, отправленного на принудительное лечение в психиатрическую больницу, отметила важность судебного рисунка для эмоционального восприятия происходящего. «Новости в газетах или Интернете звучат несколько сухо, а рисунок передает атмосферу и настроение», — сказала она. Про эмоциональное восприятие говорил и А.Черкасов: «Там, где бессильно слово, взгляд может дать больше, и поэтому нашу задачу можно сформулировать просто — иди и смотри!»

На выставке были представлены работы художников Екатерины Белявской, Ильмиры Болотян, Радика Вильданова, Виктора Володарского, Светланы Гофман, Анны Звягинцевой, Виктора Корба, Андрея Кортовича, Любви и Тамары Крутенко, Ольги Лаврентьевой, Виктории Ломаско, Марины Напрушкиной, Ии Озеровой, Александра Тота, Влада Тупикина и Анны Шефер. Информационными спонсорами выставки «Рисуем суд-2» стали «Радио Свобода» и портал Colta.ru.

Семен ЧАРНЫЙ,
собственный корреспондент
интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

Рисунок Ильмиры Болотян, Москва
«Замоскворецкий суд...Трансляция...»
карандаш, 2014

ИСТОРИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ

ОДНА МАШИНОПИСНАЯ ЗАКЛАДКА

«Круглый стол» на тему «Что такое самиздат?» прошел в помещении «Международного Мемориала». Его организаторами выступили «Мемориал» и Государственная публичная историческая библиотека. Модератором «круглого стола» был известный социолог Борис Дубин.

Поэт и филолог Николай Котрелев, говоря о проблеме определения термина «самиздат», заметил, что ни один из традиционно приписываемых самиздату признаков не присущ только ему одному. «Способ распространения, сходный с самиздатом, характерен для неформализма или так называемого «другого искусства». Малотиражность, способ производства (отсутствие высокой печати), качество бумаги, рукописный характер также не позволяют однозначно вычленил самиздат из ряда других явлений культуры 1950–1980-х гг. Например, известен случай, когда в издательстве «Академия» было напечатано несколько экземпляров «Сказок 1001 ночи» с фрагментами, которые должны были быть исключены», — отметил Н.Котрелев. «Лучше всего самиздат определяется в юридической области — как уклонение от монополии власти на распространение информации», — подытожил он.

Александр Даниэль, член Правления «Международного Мемориала», заметив, что иногда в подцензурную печать попадали произведения, которые по части интуитивно понимаемой «антисоветскости» были намного ярче текстов самиздата (вроде книги А.Белинкова о Юрии Олеше), предложил считать главным признаком самиздата не содержание, а способ распространения. «По-моему, ключевой факт в определении самиздата — тиражирование произведения без воли автора. Самиздат как процесс стирает грань между производителем и потребителем — он дробится на множество актов тиражирования. Однако надо понимать, что самиздатский «тираж» — это одна машинописная закладка. Самиздат есть тогда, когда существует иной способ бытова-

ния текста, причем самиздат всегда альтернативен ему», — подчеркнул А.Даниэль.

Парируя слова Даниэля о том, что самиздат стирает границы между производителем и потребителем, филолог и историк самиздата Габриэль Суперфин напомнил, что одна из редакторов «Хроники текущих событий» и автор ряда самиздатских текстов Наталья Горбаневская вскоре после своей эмиграции из СССР смогла добиться у издательства «Посев» переступки авторских прав, доказав, по словам ученого, что «за пределами СССР действует авторское право и копирайт на самиздат».

Модератор «круглого стола» социолог Борис Дубин также счел основной особенностью самиздата его тиражирование: «Как социологу самиздат интересен мне не только как альтернатива официозу, но как и пример самоорганизации. В нашем обществе она практически отсутствовала — и вдруг ради изготовления журнала или книги налаживались связи, затем — некий производственный процесс. Особенно интересны примеры, когда текст не просто расходился по стране в самиздате, но специально для него изготовлялся».

Директор Государственной публичной исторической библиотеки Михаил Афанасьев привел свое определение самиздата: «продукт неподцензурного тиражирования, предназначенный для распространения неопределенному и неограниченному кругу лиц».

Отдельным вопросом стали «границы самиздата» — временные, пространственные, жанровые. Так, Н.Котрелев призвал разграничивать самиздат и сходные явления: документооборот, личную переписку,

научную переписку и неофициальное копирование документов спецхрана для личных нужд, но отнес к самиздату выступления на публичных встречах и аудиозаписи. Исполнительный директор Центра библистики и иудаики РГГУ Марк Куповецкий рассказал о подобном «нетрадиционном» самиздате в еврейской среде. «В еврейской среде была традиция «пуримшилей» — религиозных спектаклей, которые содержали некоторые тексты на злободневные темы. Иногда эти тексты распечатывались, иногда распространялись в аудиозаписях. Здесь

В 1940-х годах поэт Николай Глазков издавал самодельные сборники, которые дарил своим друзьям по цеху: другой возможности заявить о себе в печати у него не было. Каждую свою книжку он подписывал на манер советских аббревиатур: «Самсебяиздат». Отсюда и пошел термин «самиздат».

сложно провести грань между текстом и другими формами искусства». Александр Даниэль рассказал об аналогичной деятельности последователей Александра Меня, ставших спектакли по праздникам.

А.Даниэль призвал отличать самиздатский документ от самиздатского текста. «Первый — предмет архивного хранения, который нужно описывать по правилам археографии. Второй имеет смысл описывать по библиографическим канонам — с созданием цитации и т.д. В отличие от изданного официально, у самиздатского текста есть «биография», которая, помимо таких рядовых пунктов, как «автор», «дата создания», может содержать экстраординарные — «изъятие на обыске», «предъявление в качестве об-

винения», «публикация за рубежом» и так далее. Для официальных текстов набор эпизодов будет другим — «издание», «переиздание», «перевод» и т.д.», — заключил А.Даниэль.

Первым примером самиздата, по словам А.Даниэля, был появившийся в 1959–1960 гг. альманах Александра Гинзбурга «Синтаксис». «Это был осознанный упор автора на создание альтернативы госиздату: периодичность, титульный лист с содержанием, вызывающая легальность», — подчеркнул А.Даниэль.

Габриэль Суперфин, говоря о границах самиздата, заявил, что не считает необходимым ограничивать самиздат рамками 1950–1980-х, и ему даже пришлось «ломать» соответствующую систему представлений западных архивов. Среди предшественников самиздата Г.Суперфин назвал сборники стихов, ховившие в лагерях ГУЛАГа, и даже рукописи «Горя от ума» Грибоедова, которое долгие годы ходило в списках.

Борис Дубин подчеркнул, что особенностью советского самиздата было его поразительное многообразие. «Там встречались самые разные темы — от философии до сексологии и уфологии. Это был второй мир, куда попадало все, чего не было в официальном книгоиздании», — сказал он.

Директор Института гуманитарно-политических исследований Вячеслав Игрунов также призвал не считать самиздатом подпольную литературу времен императорской России. «Самиздат — это полностью альтернативная реальность, а подпольная литература — это признаки существующей политической реальности», — заметил он.

На «круглом столе» также обсуждалась мысль о преемственности самиздата и нынешних электронных книг. Первым ее высказал Борис Дубин, заметив, что самиздат начал процесс отрыва книги от автора и отделения текста от книги, который сейчас с успехом продолжается в Интернете. «В этом смысле самиздат в чем-то предвосхитил нынешний Интернет: в нем мы сейчас

наблюдаем момент «окончания книги», который начался в самиздате», — подчеркнул Б.Дубин.

М.Афанасьев назвал современной ситуацией «эпохой черновика». «Границы текста сегодня размываются настолько, что из него порой исчезает не просто автор, но редактор и весь персонал, который раньше готовил книгу к изданию. В то же время человек, размещающий текст в Интернете, может брать на себя функции редактора — например, сокращать его», — сказал он. «Из современной практики исчезает понятие «библиотека», которая раньше была «лицом интеллигента». Для современного человека собрание книг — это постоянно обновляемое содержание его «читалки», — заключил М.Афанасьев.

Отдельно был поднят вопрос о религиозном самиздате. Сотрудник НИПЦ «Мемориал» Алексей Макаров рассказал о наличии самиздата у адвентистов седьмого дня, Марк Куповецкий и еврейский активист Феликс Дектор — о еврейском самиздате.

Заведующий библиотекой «Мемориала» Борис Беленкин рассказал о бытовании «православного самиздата». «Православный самиздат начался с 1920-х гг. Это, прежде всего, тексты Варфоломея Римова, которые с 1928 г. распространялись в тайных братствах Высоко-Петровского монастыря. Поскольку активных прихожан там было более 2 тысяч, можно предположить, что и тиражи перепечаток были сопоставимы. В последующие годы православный самиздат продолжался — известны, например, рукописный молитвослов матери протоиерея Александра Меня и тексты Евангелия, которые в 1960-е гг. распространялись в машинописи», — рассказал он.

Семен ЧАРНЫЙ,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

В Новороссийске Сергей Котиков, переводчик в консульстве Греции, рассказал мне о своем дяде, Игнате Элефтеровиче Димитриади из Геленджика: «Он может рассказать свою историю и с удовольствием сделает это. Последние годы он мало с кем общается. Дядя в прекрасной памяти, обязательно навестите его!»

Не верить Сергею у меня не было никаких оснований. И уж о чем не надо было уговаривать, так это о необходимости встретиться с человеком, оставившим в ГУЛАГе 9 лет. Такие встречи — большая удача для любого исследователя. Смуцало другое: как человек воспримет мой интерес к тому, о чем вряд ли кому-то хочется вспоминать. Скорее, наоборот — хотелось бы забыть. И хотя опыт всех моих предыдущих встреч говорил, что человеку легче рассказывать о самом себе, чем о репрессированных родственниках, чувство неловкости, что я беспокою человека столь почтенного возраста, не покидало меня.

Я приехал в Геленджик, нашел улицу Тельмана. Я шел вверх по ней; номера домов показывали, что я почти у цели. Неожиданно справа по ходу оказалось летнее кафе с развевающимся над ним бело-синим флагом с крестом в углу. В кафе было пусто. У входа стоял человек средних лет, судя по позе, хозяин заведения. Я заказал чашечку кофе, желая поговорить с ним и, возможно, кое-что дополнительно узнать об И.Э.Димитриади. Но прежде Кирилл заговорил о себе, о Казахстане, где он родился. Я не удержался, открыл ноутбук, показал казахстанские фотографии. Кирилл часто восклицал, обнаруживая на них многих своих друзей и знакомых. Разговор перешел на соседа Кирилла. Кирилл слышал о нем, но ни разу на улице не встречал.

...Дверь открыл мне сам Игнат Элефтерович. Сын Харлампий, уходя на работу, предупредил отца, что в 12 часов подойду я и что мне можно открыть. Игнат Элефтерович предложил мне стул, сам уселся на низкую кровать, на которой, как я понял, он проводил большую часть времени. Он был совсем невысокого роста. Пока я настраивал свою аппаратуру, Игнат Элефтерович несколько раз глубоко и громко вздохнул. Я подумал, что он настраивает себя на тяжелый разговор, но ошибся. Весь разговор Игнат Элефтерович постоянно вздыхал. Это была форма его дыхания.

Разговор с первых же фраз развеял все мои сомнения и опасения. Игнат Элефтерович рассказывал легко и непринужденно. Таким людям можно задавать любые вопросы, не опасаясь укоров, что задеваются запретные темы.

Игнату Элефтеровичу тогда шел 92-й год. На момент нашей первой встречи в 2007 г. в мире в живых оставалось примерно 20 греков, арестованных в 1937–1938 г. и отбывших 10-летние сроки. Они проживали в России, Украине, Казахстане, Греции, Новой Зеландии и Австралии. Со всеми из них я либо уже встречался, либо состоял в переписке. Игнат Элефтерович был последним, с кем я не был знаком очно или заочно.

Он рассказывал так, как будто события, о которых он вспоминал, случились не семьдесят лет назад, а на прошлой неделе. Он сыпал именами и датами, мелкими, но чрезвычайно интересными деталями, сопровождавая рассказ ироничными комментариями. Оригинальной в его рассказе, кроме содержания, была форма. Игнат Элефтерович пересказывал свою жизнь при помощи диалогов: между ним и следователями, ним и родственниками, ним и другими заключенными... При этом он старался передать интонации каждого участника диалога, что придавало всему его рассказу живость необыкновенную. Еще он меня поразило языком, которым излагал свою историю. В его речи ни разу не проскользнуло крепкое слово, которое является почти обязательным лингвистическим атрибутом бывших лагерников.

...Вторая наша встреча состоялась почти 6 лет спустя, в день его рождения. Она случилась на следующий день после открытия монумента в Краснодаре. Там, перед баннером с именами репрессированных меня вдруг пронзило страшное по своему трагизму открытие: из почти 6 тысяч имен на баннере лишь одно принадлежало ныне живущему. И этот единственный из списка был Игнат Элефтерович Димитриади.

Я приехал к нему с Нелли, помощницей председателя греческого общества, и моей внучкой, которая была моложе именинника ровно на 90 лет. Мы поздравили Игната Элефтеровича, пожелали ему добра. Что можно было еще пожелать человеку, разлученному много лет назад с молодой женой и только что родившейся дочерью, которых после его ареста депортировали в Грецию; человеку, потерявшему родного брата, с кем несколько месяцев он провел в одной тюремной камере и о судьбе которого не знает вот уже 75 лет? Что можно было пожелать тому, чья молодость осталась в заполярном лагере? Нет таких слов в богатом русском и не менее богатом греческом языке...

Игнат Элефтерович вспомнил нашу первую встречу и снова с готовностью поддержал разговор. На этот раз я совсем не хотел его беспокоить своими вопросами и задал лишь несколько «дежурных». Один из них оказался глупым:

— Игнат Элефтерович, а лагерь вспоминаете?

Он ответил:

— Как только закрою глаза, только его и вспоминаю... — и вдруг, ни к кому не обращаясь, произнес: — И почему я так долго живу?!

Третья наша встреча не состоялась. В марте 2013 г. я снова был в Геленджике. Мне хотелось подарить ему свою новую книгу, в которой были опубликованы и его воспоминания. Но я не смог дозвониться ни до Харлампия, ни до Сергея Котикова. Пришел на знакомую улицу Тельмана, рассчитывая на удачу. Не доходя одного дома, остановился в знакомом кафе, снова поговорил с Кириллом.

Но на этот раз дверь мне никто не открыл. Книгу я оставил соседям Игната Элефтеровича.

На обратном пути вниз по улице Тельмана я вспомнил фразу Игната Элефтеровича из нашей предыдущей беседы и понял, почему судьба оказалась столь благосклонной к нему. Он проживал жизни тех, кто не дожил не только до 30, а порой и до 20 лет. Игнат Элефтерович жил за своего брата Харлампия, арестованного днем раньше него, с которым их разлучили в день объявления приговора. Игната Элефтеровича увели раньше, и он не слышал о приговоре Харлампия. С тех пор он ничего не знал о брате, в честь которого назвал сына, родившегося после возвращения из лагеря.

За 3 месяца до этого в Центральном архиве ФСБ в Москве удалось найти протокол № 101 комиссии НКВД СССР и прокурора СССР от 31 марта 1938 г. с именами 28 греков Краснодарского края. 26 из них были приговорены к расстрелу, 1 дело возвращено на доследование, одного приговорили к 10 годам лагерей. Среди расстрелянных значился и Харлампий Элефтерович Димитриади. А единственный, кому выпала лотерея жизни в том протоколе, был двадцатитрехлетний столяр железнодорожной станции Туапсе Игнат Элефтерович Димитриади.

Димитриади Игнат Элефтерович родился 28 марта 1914 г. в Туапсе. Работал столяром на железнодорожной станции Туапсе. Был арестован 11 января 1938 г. вместе с родным братом Харлампием. Особым совещанием при НКВД СССР и прокуроре Союза ССР осужден к 10 годам лагерей. Харлампий тем же протоколом приговорен к расстрелу.

И.Димитриади отбывал срок в Воркутлаге. Освободился из лаге-

ря летом 1947 г. Остался работать в Воркуте, так как, будучи гражданином Греции, не имел права выехать к прежнему месту жительства. Уехал из Воркуты в 1954 г., сразу после получения советского подданства. Живет в г. Геленджике Краснодарского края.

...Мы жили в Греческой Щели, на Майкопском шоссе, на 3-м километре. Меня и моего брата Харлампия (он на семь лет старше меня) забрали в 1938 году, 11 января. На 3-м километре было 102 греческих двора. Всех греков забрали под «чистую».

...Я работал столяром на железнодорожной станции Туапсе. Как-то мне дали задание сделать витрину для «Комсомольской правды». Было два часа дня, я стоял у верстака, когда заходит офицер в ми-

шкеткой хранились его пайки хлеба. Но он ничего не ел. Только курил. Вокруг него валялось полно окурков. Мы рассуждали о том, что будет с нами. Богуш говорит:

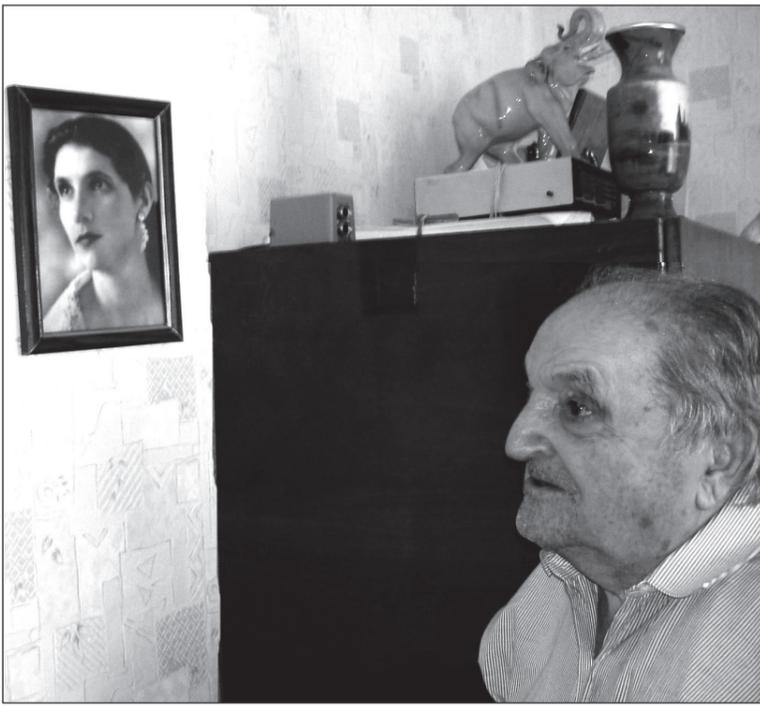
— Вы что, не знаете, куда вы поехали?!

...В камере нас было 6 человек. Легли спать. Утром, когда проснулись, наша камера была битком набита: греки, русские, поляки — кого только не было! Спали прямо на полу. Продержали нас в КПЗ девять дней. Между прочим, это здание строили греки: мой брат, его шурин, я, много других греков. Я окна и двери делал.

Никого за это время не пускали к нам. Один раз, на второй день, вызвали меня на допрос. Сидит незнакомый следователь.

Он все пытал: кто я по нацио-

ЕДИНСТВЕННЫЙ ИЗ СПИСКА

линейской форме. Я уже чувствовал, что пришли за мной. Ребята бросили работу и следили.

— Что ты делаешь?

— Вот, делаю стенд.

— Пойдем в красный уголок, там начальник задаст тебе пару вопросов. Я стал собирать инструменты. Он говорит:

— Не надо.

— Да нет, — говорю, — надо собрать.

Я инструменты — в шкаф, он их — из шкафа. Я — в шкаф, он — из шкафа...

Приходим в красный уголок. В дверях стоит часовая. А в красном уголке уже сидят три грека, их тоже прямо с работы взяли. А брата моего — он работал каменщиком — взяли дома, ночью. Ребята увидели меня и говорят:

— Нас уже четверо, давай в домино играть!

...Я сидел в 5-й камере, в железнодорожном НКВД. Ночью вызвали меня. Я подумал: отпускают. Стал одеваться. Мне говорят: «Не одевайся, тут рядом». Приводят меня в 8-й кабинет. Там сидят следователь и мой брат. Следователь показывает на брата и спрашивает меня:

— Ты его знаешь?

— Как не знаю, это мой брат.

— Вот возьми.

Подает мне мешок. В мешке были кружка, ложка, пальто демисезонное, одеяло байковое, кусок хлеба с салом. Когда брата забирали, сделали обыск, отобрали паспорт. А мать с братом передала мне вещи. Они не возражали.

Вернулся в камеру и говорю:

— Давайте покушаем.

Когда сидели, нам не разрешали покупать ничего в ларьке...

С нами сидел Богуш, начальник связи на железной дороге. Он все время сидел на столе и курил. За ре-

альности, какое у меня подданство, забрали ли мои документы при аресте. Потом спросил:

— А как ты получил греческий паспорт? Ездил в Москву?

— Нет, — говорю.

— Не может быть, чтобы, работая на железной дороге, ты не пользовался билетом до Москвы.

— Нет, — говорю, — можете проверить: просто пересылал паспорт по почте.

— Можешь идти...

Я пошел обратно. Понял потом: это было мое следствие. Оно длилось 10 минут.

Так мы сидели девять дней. Потом, нас погрузили в пульманский вагон, 96 человек. Среди нас были и женщины. Я посмотрел в окно вагона. Думаю: ну, наверное, в последний раз. Поехали. Мы с братом попали в один вагон.

Приезжаем в Армавир. Вылезли из вагона, построились. Нас уже ждал армавирский тюремный конвой, двое с оружием. Говорят:

— Пошли!

А наш конвой (который привез нас) говорит:

— Вы что, два человека поведете сто человек?!

— А куда они денутся!

— Нет, — говорит наш конвой. И тоже пошел.

В армавирской тюрьме было очень тяжело. Я уже считал себя мертвецом. Цинга замучила. Передач не было. Ничего не разрешали: ни посылки, ни писем. Кормили очень плохо. В основном ржавой камсой. Вместе с сечкой. Она не проходила. Я кушать не мог, уже не мог ходить. Потерял много зубов. Все в армавирской тюрьме были больные. Умирали очень многие. Потом прибыла комиссия из Москвы.

После комиссии разрешили передачи и свидания. А я уже ходить не

мог. Как я выжил? Молодой был, 24 года...

Приходили наши жены — брата жена и моя. Они как-то узнали, что мы находимся в армавирской тюрьме. Могли передать только чеснок и табак. Больше ничего не принимали.

Перед тем как ко мне на свидание приехала моя жена Елизавета, нам выдали конверты и велели написать коротко: жив-здоров и что нужно. Дней через 5–6 пришла посылка. Мне говорят: «Тебе посылка». А я не мог ходить. Меня за посылкой повели сокамерники. В посылке были яблоки, чеснок. Я стал поправляться.

Жена на свидании сказала мне, что их выгоняют из дома. У нас было хозяйство, корова. Только что родилась дочка. (Сейчас она в Греции.) Жене с дочкой предложили уехать в Казахстан. Жена продала корову, а дом был записан на меня. Нужна была доверенность. Я обратился к тюремному начальству. Они говорят: «Мы не можем дать такую доверенность. Она должна быть нотариально заверенная. Пусть жена обратится в суд, если он разрешит, то продаст, а если нет, то дом перейдет в коммунальное хозяйство».

Жена поехала в посольство Греции в Москву. Она и мать тоже были греческо-подданными. В посольстве сказали, что дадут визу и отправят в Грецию. Через неделю Елизавета снова приехала ко мне и сообщила, что сдала дом в аренду до моего возвращения какой-то женщине за 500 рублей. Говорит мне: «Я тебе принесу эти деньги, а мы уедем в Грецию». Это было наше последнее свидание.

...Армавирская тюрьма — старая. Говорят, еще Екатерина ее строила. В тюрьме я пробыл полтора года. С братом вновь увиделся только 3 апреля 1939 года. В тот день нас, всех греков, выгнали во двор тюрьмы. Сначала вызывали по фамилиям. А фамилии греческие трудные для произношения, все время путались. И объявили: все иностранно-подданные, нагнаны с вещами — на выход! Вот тогда я и встретился с братом. Приговор мне объявили такой: 10 лет лагерей.

Собрали этап, сорок человек. Но брата вызвали, а меня — нет. Нас осталось три человека — два грека и один поляк. А до этого было 62 грека.

Брат через решетку спрашивает:

— А почему брата не вызвали?

— Проверим, потом отправим.

Куда увезли брата, не знаю... Был потом разговор, что их отправили в Мурманскую область. Говорили, что где-то там строили что-то для подводных лодок. Они все были каменщики. Оттуда никто живой не вышел, но это разговоры. Я писал, когда освободился, но ответа не было. И жена его — она тоже в Грецию уехала — писала. На мой запрос из Москвы прислали реабилитацию. Но я-то спрашивал, где он похоронен...

...Увели нас, кого не вызвали, в камеру. Через два дня: «Димитриади! С вещами!» Кто-то говорит: «Ну, тебя домой, освобождают». К этому времени я уже накопил табаку мешок, сухарей. Я хотел его оставить. А ребята говорят: «Не оставляй. Вон видишь река. Если идешь домой, то брось пустой мешок в реку. Мы будем знать, что ты ушел домой».

Посадили нас в старый пассажирский вагон. Нас из вагона не выпускают. Слышим, вагон прицепили. Поезд тронулся.

Нас было четверо заключенных и двенадцать конвоиров. Куда едем, не знаем. Думали: либо на расстрел, либо в Москву, в Бутырку.

...Едем. Все светло и светло. Это было в июне. Слышим, конвой говорит: «Вологду проехали». Едем дальше. Наконец, приехали в Архангельск. Конвой не знает, куда идти дальше. По улице идет старуха. Спрашивают:

— Бабушка, сколько времени?

— Сынок, два часа ночи.

— А как попасть на пересылку?

— Идите туда, потом повернете, потом прямо идите, идите и попадете прямо в пересылку...

В пересылке первая зона была женская, вторая зона — политическая, а в третьей зоне, огороженной, — всякий сброд, уголовники. В женской и политической зонах было спокойно. А там — постоянно стрельба, драки, убийства. Мы, наверное, дней двадцать провели в Архангельске. Потом была комиссия: собирали, отбирали куда-то. Один парень мне говорит: «Если тебя спросят: здоров или нет? — отвечай: здоров. Если останетесь здесь — пропадете, попадете в Воркуту — там выживете». Парень этот освободился с Беломорканала. Освободился и вскоре его опять забрали. Он был опытный... Но я не понял, почему он так сказал про Воркуту.

Потом нас отправили по Печоре на барже. Ехали хорошо: мой друг, грек из Туапсе, стал поваром на барже. Плыли месяц. Сначала — вверх по Печоре до Усть-Усы. В Усть-Усе мы вышли, и по узкоколейке (железной дороги еще не было) повезли в Воркуту. Недалеко, 60 километров.

В Воркуту нас привезли 1 августа 1939 года. Построили. Стали отбирать: ты выходи, ты выходи... Смотрю, что такое: отбирают одних урков. Я удивляюсь: как они их распознали! А нас повели в барак, в палатку.

Стенки в бараке были досками оббиты, внутри — двойные сплошные нары. Подушки, матрацы набиты были соломой. Ботинки, валенки давали зимой, шапку, бушлат. Нас в этом бараке набралось человек 70–80. Не только политические, но и воры.

Поначалу зоны у нас не было. Ходили свободно на работу. На вахте говорили: иди туда или туда. Уже в конце 1940 года, не знаю, что случилось, начали огораживать нас колючей проволокой. Стали водить на работу под конвоем. В 1942 году, когда захватили Донбасс, остались только шахты воркутинские.

Иной раз мы работали с каторжниками. Я сам как-то едва не попал в каторжный лагерь. Мы курили, и нас застали за этим занятием... А еще я не выполнял норму. У меня с детства одна рука короче другой. Сначала мне давали скидку, потом перестали.

Нас собрал десятник. (Я его называл «Калинин», борода у него такая же была, как у Калинина.) Собрал «Калинин» нас человек десять и говорит:

— Будем строить бараки. — А мне говорит: — Возьми топор, ножовку,

будешь делать колышки, разбивку будем делать.

А других направили дергать мох с земли.

Как-то «Калинин» спрашивает меня:

— Ты можешь что-нибудь по столарному делу сделать?

Отвечаю:

— Я все могу.

С этого времени меня он стал кормить как десятников. А вообще было так: норму выполнишь — килограмм хлеба и первый котел. Это — суп из брюквы, то есть баланда, гречневая каша...

В бараке были кпяток, давали сахар. Пайку давали утром. Когда входили в столовую, заставляли пить хвойный экстракт. Я мало пил, я же там работал, меня кормили особо. Через некоторое время начальник посылает меня в аптеку, там надо было что-то сделать. Пришел я в аптеку, аптекарь мне говорит:

— Надо сделать такую полку, чтобы десятилитровый баллон выдержала, а внизу — бутылку с делениями.

Я сделал, аптекарь мне налил бутылку рыбьего жира. Я ее принес в барак, отдал грекам. Их в нашем бараке было четыре человека: Псомиади из Новороссийска, у другого, кажется, фамилия была Григориади, других не помню... Один был сухумский... А всего греков в нашем лагере я знал человек пятнадцать.

Сам я рыбий жир не мог потреблять. Когда я заболел цингой, то продолжал ходить на работу. Потом пошел к врачу, он написал мне направление в стационар. Там начал меня поить рыбьим жиром. Врач был узбек. Главврач был еврей, тоже ээк. Он сует мне рыбий жир. Я говорю ему:

— Не могу!

— Пей! Надо, — я выпил и сразу меня вырвало.

А вот письма мне некому было писать. Жена Елизавета уехала в Грецию где-то в августе или в сентябре тридцать восьмого года. С дочкой Катериной, поселились в Афинах.

...Потом я работал мастером на мебельной фабрике. Я продвинулся далеко, это все моя специальность спасла меня. Общие работы — на холоде, на морозе. А я все-таки в тепле. Мне дали пропуск, мог ходить за зону без конвоя. Потому что я делал мебель для начальства. Это было уже после 1943 года. А до 1943 года в Воркуте не было вольнонаемных.

...За хорошую работу мне сократили срок на полгода. Я оставался при греческом гражданстве. Как иностранец я каждый месяц должен был ходить отмечаться в комендатуре. Дальше семафора я не имел права ходить. Если поймут — обратно в лагерь.

А месяца за два, за три до освобождения начальник спросил меня: — Хочешь остаться здесь? Тебе же некуда ехать...

Я хотел сказать, что хочу в Грецию, но я уже этого слова боялся... Дочь потом упрекнула меня, что я не приехал.

Что я мог сделать? Я освободился: ни копейки денег, ни куска хлеба — кругом картонная система. Куда мне деваться? Говорю:

— Везите меня обратно в лагерь, там хоть накормят.

Меня приняли на мебельную фабрику. И еще я написал заявление на советское подданство. Для этого пришлось собрать три подписи, под поручительство. Как в партию вступать. Парторг не хочет, мастер тоже отказался. Нашел я знакомого экспедитора. Ваня звали его. Он сразу подписал. Я говорю:

— Надо еще двоих.

Ваня мне говорит:

— Ты вот что: купи бутылку, вечером я приведу двоих.

Я купил, они пришли, поставили еще две подписи.

Принес заявление в милицию. Там посмотрели и говорят:

— Ошибка. Вместо «Димитриади» написано «Димитрияди».

Исправил, отправил. Но ответа нет и нет. Тут умер Сталин. Ворошилов стал председателем Верховного Совета. Все стали ждать изменений в своей судьбе.

Через два месяца пришел в милицию отмечаться. У меня отобрали мою книжку и разорвали ее. Подают мне: «Постановлением ПВС СССР принят в советское гражданство...»

Пошел я в паспортный стол с этим постановлением, и мне выдали советский паспорт. Я думал, поставят мне «минус 50» (то есть перечень 50 городов, в которых мне запрещено проживать), а они вручают и говорят:

— Поздравляем!

— А с чем поздравляете?

— Можешь ехать, куда хочешь!

Я выскочил оттуда. А куда ехать? Остался я в Воркуте вольнонаемным.

...О своих я по-прежнему ничего не знал. Думал, что все пропали. Я в Воркуте женился. Туда привезли

одну гречанку, Лиду Георгиеву. Ее посадили за спекуляцию. Она была из Геленджика. Когда она освободилась в 1948 году, мы сошлись и стали жить вместе.

16 лет я провел в Воркуте. 16 лет пурги, три километра в одну сторону, три в другую. Полярных не платили. А мастером на мебельной фабрике получал 900 рублей.

Мы с Лидой решили ехать в Геленджик. У Лидиной сестры муж был председателем колхоза в Прасковеевке. Говорят, что в 1937 году многих посадили. Собрали немного денег на дорогу и поехали. Это было в 1954 году.

Приехали. Лидя говорит:

— Сейчас нас Николай встретит.

Но никого не было. Через некоторое время подъехала грузовая машина:

— Кто в Геленджик?

Заплатили по 15 рублей, приехали в Геленджик. Брат Лидин сидит в комнате, трясется. Лидя спрашивает:

— Почему не встретил, Николай?

— Ты знаешь, такое дело...

В общем, стал юлить. Еще когда я писал из Воркуты, сообщал, что придем, он ответил:

— Не торопитесь, подготовьте правильно документы...

Я сразу понял, что он испугался.

...Лидя умерла в 1964 году. Детей у нас не было. 16 лет мы прожили с ней. После нее я женился на Марии Савельевой, гречанке. Она была моложе меня на 16 лет. Прожили мы 10 лет, и она умерла. Оставила мне сына, мы назвали его Харлампием. В честь моего брата.

Иван ДЖУХА,
руководитель проекта
«Греческий мартиролог»,
Геленджик, Краснодарский край

Более подробно о проекте «Греческий мартиролог»: www.greek-martirolog.ru

На снимке:

Игнат Элефтерович Димитриади, 2012 г.
Фото автора.

СПРАВКА: ГРЕЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ НКВД 1937–1938 ГГ.

Аресты греков по политическим мотивам проводились, начиная с первых лет советской власти. Своего пика они достигли в 1937–1938 гг. В рамках Большого террора в СССР арестовали примерно 15–17 тысяч греков, из которых около 90% были расстреляны.

Старт греческой операции дала директива НКВД СССР № 50215 от 11 декабря 1937 г., подписанная наркомом внутренних дел СССР Н.Ежовым. Директива определяла сроки проведения греческой операции, категории подлежащих аресту и спектр обвинений.

Прембула директивы № 50215 гласила: «Материалами следствия устанавливается, что греческая разведка ведет активную шпионско-диверсионную и повстанческую работу в СССР, выполняя задания английской, германской и японской разведок...». Приказывалось с 15 декабря 1937 г. одновременно во всех республиках, краях и областях провести «аресты всех греков, подозреваемых в шпионской, диверсионной, антисоветской националистической работе».

Массовые аресты начались в ночь с 14 на 15 декабря 1937 г. Последние аресты отмечены в июне 1938 г. Всем арестованным предъявили обвинения либо в контрреволюционной деятельности, либо в участии в заговоре с целью свержения советской власти, либо в шпионаже.

Приговоры к высшей мере наказания оформлялись заочно в Москве решением комиссии НКВД СССР и прокурора Союза ССР («верховой двойкой», состоявшей из Н.Ежова и А.Вышинского). Известно 133 протокола по «греческой линии».

Расстрелы греков начались в середине января 1938 г. Как правило, они проводились непосредственно во внутренних тюрьмах управлений НКВД. Наиболее массовые расстрелы проводились в Донецке, Мариуполе, Краснодаре, Одессе, Симферополе.

Свыше 90% «изъятых» составляли мужчины в возрасте от 20 до 55 лет. Подавляющая часть репрессированных была сельскими жителями, как правило, малограмотными. Это были рядовые колхозники и рабочие, весьма далекие от какой бы то ни было политики. Получившие по приговору Особого совещания при НКВД и прокурора Союза ССР «вторую категорию» направлялись в распоряжение Главного управления лагерей (ГУЛАГ) НКВД СССР. В 95–97% случаев срок наказания составлял 10 лет, в остальных — 8. Крайне редкими были сроки в 5 лет и 3 года.

Данные «Греческого мартиролога» по полным спискам греков, осужденных комиссией НКВД и прокуратурой СССР.

«История репрессий против греков в СССР в 1930–1950 гг. СПб., «Алетейя», 2011

ПОПУТЧИКИ И СОЛАГЕРНИКИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

➤ Продолжение. Начало на с. 1

оказался в Интернете, на сайте сетевого журнала «Заметки по еврейской истории», то немедленно были получены первые отклики, ощутило расширяющие или уточняющие наши знания⁶.

Первым отозвался Элеазер Рабинович из Нью-Джерси, сын Меера Рабиновича, 1893 г.р., механика, 2 августа 1938 г. — в тот же день, что и Мандельштам, — осужденного за контрреволюционную деятельность: «Я совершенно потрясен увидеть имя отца в одном списке и одном поезде с Мандельштамом. Отец, конечно, понятия не имел, с кем он ехал, и никогда не рассказывал о Мандельштаме». (См. в № 118 «30 октября» статью Э.Рабиновича о своем отце и деде. — Примеч. ред.)

Вторым нашедшимся человеком из еврейского списка мандельштамовского эшелона оказался Эммануил Соломонович Гольдварг, родившийся 1 апреля 1917 г. в селе Яковка Березовского района Одесской области. Перед арестом проживал на станции Пушкино Московской области. Работал в Москве техником радиола в Центральном доме культуры железнодорожников⁷. Вспомнивший его Л.Флянт видел

ся с ним уже в Израиле и запомнил, что его лагерный стаж составлял примерно 16–17 лет (это заставляет предположить, что он, как и М.Рабинович и К.Хитров, был одним из повторников). В начале 1990-х гг. он репатрировался в Израиль, жил в Тель-Авиве, где и умер 31 декабря 2006 г., не дотянув всего 3 месяца до 90-летия.

Третьим нашедшимся был Ави Аросев, так и не доехавший до «Второй Речки». 29 сентября на станции Урульча был выгружен и сдан в качестве тяжелобольного Ави Яковлевич Аросев — издательский работник, автор ряда книг о планировании в издательском деле, выпущенных Госсоэкономиздатом в 1931–1935 гг.⁸ Сел он, скорее всего, из-за родного брата — Александра Яковлевича Аросева (1890–1938 гг.), чистопородного большевика, чекиста и дипломата, арестованного 3 июля 1937 г. и расстрелянного 10 февраля 1938 г. До ареста он был начальником Всесоюзного общества культурных связей с заграницей и лично переводил Сталину во время беседы с Роменом Ролланом в 1935 г. Молотов был другом его революционной молодости, что не мешало тонкошему не просто под-

писать расстрельный список с его фамилией, но и молвить в беседе с Чуевым: «Попал под обстрел в 1930-е годы»⁹.

Кстати, все тот же сетевой журнал «Заметки по еврейской истории» помог уточнить или пополнить не только список попутчиков, но и список солагерников поэта. Публикация в «Заметках» воспоминаний химика и сиониста Моисея Герчикова, в апреле 1939 г. проследовавшего через пересылку из Беломорска на Колыму, вывела на еще одну еврейскую «ниточку». В лагере ему рассказывали, что декабрьский 1938 г. сыпняк унес жизнь не только близкого ему и по духу, и по профессии Сергея (Израиля) Лазаревича Цинберга (1872–1938 гг.), но и поэта Осипа Мандельштама¹¹.

Цинберг — историк еврейской литературы, библиограф и публицист. Химик по образованию, он возглавлял еще и химическую лабораторию Кировского завода. Его арестовали в Ленинграде 8 апреля 1938 г. и приговорили к 8 годам ИТЛ. Прибыл он на пересылку 15 октября 1938 г., то есть на 3 дня позже Мандельштама, а умер 28 декабря того же года — всего на один день позже, чем Мандельштам! При этом сообщалась деталь, на удивление совпадающая с тем, что рассказывал о мандельштамовской смерти Ю.И.Моисеенко: «По рассказу очевидца, группу заключенных, в которой был Ц., погнали в баню, после чего

долго держали на улице, не выдавая одежды, в результате многие заболели и умерли»¹².

Подразумеваемым тут очевидцем был, по всей вероятности, другой гебраист (гебраист — специалист по еврейской культуре и языку. — Примеч. ред.), находившийся в том же лагере, — историк и социолог Гилель Самуилович Александров (1890–1972). Он был осужден и прибыл на «Вторую Речку» еще осенью 1937 г., попал в отсест и был оставлен для работы в регистратуре. Перед смертью Цинберг просил его позаботиться о своем архиве (точнее, о той части ар-

хива, что не погибла в НКВД) и о том, чтобы имя его не было забыто. Вернувшись в Ленинград в 1959 г., Александров не преминул это сделать и занялся исследованием архива Цинберга, переданного его семьей на хранение в ленинградский филиал Института востоковедения АН СССР (фонд 86)¹³. Как знать, может, отыщется архив и самого Гилеля Александрова, а в нем — неизвестные факты о Мандельштаме?..

Павел НЕРЛЕР

Продолжение темы на с. 8 ➤

1. Ныне ст. Баневурово.
2. В памяти Н.Иванушко отложился июнь-июль 1938 г. (см. об этом: Калашникова Ю. Незнакомец по имени... Мандельштам // Дальневосточные ведомости (Владивосток) — 2010, 31 марта).
3. А история с запиской должна стать предметом отдельного расследования.
4. См.: Нерлер П., Лоболь Н. Мандельштамовский эшелон. К 70-летию гибели поэта // Рубеж. 2008. № 8. С. 249–267; Нерлер П. (при участии Д.Зубарева и Н.Лоболь). Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М.: Петровский парк, 2010. С. 113–134. Список подготовлен совместно с Н. Полюбом. В примечаниях к нему даются краткие биографические справки о тех, о ком хоть что-то удалось установить.
5. Нерлер П. Цинберг, Александров и Герчиков... Еврейский след в истории последних дней Мандельштама. К 75-летию со дня гибели поэта // Заметки по еврейской истории. 2013. № 11. В сети: http://www.berkovich-zametki.com/2013/Zametki/Nomer11_12/Nerler1.php (На публикации аналогичного материала в Живом журнале А.Носика <http://1938.livejournal.com/post-1938-11095> не пришло никаких существенных уточнений).
6. Надо сказать, что наш опыт массового сличения этого списка и ряда других имен с уникальной «мемориальной» базой данных «Жертвы политического террора в СССР» (<http://lists.memo.ru>) показал сравнительно небольшую квоту совпадений. Представляется, что эта база нуждается в своем радикальном пополнении за счет эшелонных списков.
7. Книга памяти Московской области. Личное дело: Р-15890.
8. Упоминается в: Аросева О. Прожившая дважды. — М., 2012. — С. 31.
9. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневников Ф.Чуева. М.: Терра, 1991. С. 68.
10. См.: Герчиков М. Пути-дороги // Сетевой альманах «Еврейская старина». 2006. № 11. Гл. 7. В сети: <http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer8/Gerchikov1.htm>, дата обращения: 14.12.2013. Реабилитированный в 1963 г. Моисей Герчиков (1904–1966) свои воспоминания записал в Ленинграде незадолго до смерти. Благодарю Л.Кациса, указавшего мне на эту публикацию.
11. См.: Элиасберг Г.А. «Один из прежнего Петербурга»: С.Л.Цинберг — историк еврейской литературы, критик и публицист. — М., 2005. С. 140–148. М.Бейзер сообщает о другой дате — 3 января 1939 г. (Beizer M. New information on the life of Izrail Zinberg // Soviet Jewish Affairs. 1991. Vol. 21. No. 2. P. 35).
12. См. о нем в «Электронной еврейской энциклопедии» (<http://www.eleven.co.il/article/14623>) и в: Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское Востоковедение. 2003. (В сети: <http://memory.pvost.org/pages/alexandrov.html> Дата обращения: 14.12.2013).
13. См. публикации Г.Александрова об этом архиве в журнале «Светише геймланд» (1965. № 2 и 3).

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

В том же поезде, что и Мандельштам, но в другом вагоне ехал 24-летний «физик Л.» — очевидец, с которым встречалась Надежда Яковлевна Мандельштам и чьи свидетельства она считала самыми достоверными и надежными из всех. Виделись они, вероятней всего, летом 1965 г., когда Надежда Яковлевна уже закончила «Воспоминания». Их заключительная глава «Еще один рассказ» — сжатый пересказ того, что ей сообщил «Л.»¹ — смотрится в них как своего рода постскриптум, добавленный в последний момент.

«ФИЗИК Л.»

Твердое желание «физика Л.» сохранить инкогнито более чем понятно. Летом 1965 г., когда за спиной не было даже такой призрачной защиты от сталинизма, как Никита Хрущев, больше всего хотелось поберечься и не рисковать ничем. Об этом же просил Эренбурга в феврале 1963 г. (то есть еще при Хрущеве!) и Давид Иосифович Злотинский: «Дорогой И.Г.! Письмо предназначено только для вас. Я не хотел бы, чтобы публично ссылались на меня. И культура нет, и повеяло другим ветром, а все-таки почему-то не хочется «вылезать» в печати с этими фактами. Могу только заверить вас, что все написанное мною — правда, и только правда».

Эренбург передал письмо Надежде Яковлевне, а та, в свою очередь, подарила его А.А.Морозову, который и опубликовал его впервые в 1989 г. в своем комментарии к первому на родине изданию ее воспоминаний².

Инкогнито «физика Л.» продержалось дольше — до ноября 2013 г. Конечно же, фамилия единственного физика в эшелонных списках привлекла мое внимание еще в 2001 г., когда списки были обнаружены:

«170. Константин Евгеньевич Хитров, 1914 г.р., физик, к.р. агит.»

Мало того, К.Е.Хитров — один из тех немногих, сведения о ком отложились и в «мемориальной» базе

данных (lists.memo.ru — Примеч. ред.); известен даже номер его дела.

Но принятое на веру — и, как оказалось, напрасно — указание Надежды Яковлевны на то, что ее физик Л. был из Таганской, а не из Бутырской тюрьмы, уводило на ложный след и ни к кому не вело. Долгое время я думал, что Надежда Яковлевна вообще замуровала эту тайну: не был ее информатор физиком и фамилия его не начиналась на «Л.»! И что если мы что-то когда-то о нем и узнаем, то от смекнувших детей или внуков.

Оказалось, однако, что буква «Л.» действительно была намеренно неточной, а вот наводящие сведения о профессии

ника Надежда Яковлевна сообщила правильно. Просто и с ними ничего бы не удалось найти вплоть до 2011 г., когда средние учебные заведения Подмосквы компьютеризировались и — не все, но некоторые — даже обзавелись своими сайтами.

И вот его величество Google привел меня на сайт Фряновской вечерней (сменной) общеобразовательной школы³, где я прочел:

«История школы — это история страны со всеми ее трудностями и достижениями. Вместе со страной пе-

К.Е.ХИТРОВ — НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ (ВАРВАРЕ НИКОЛАЕВНЕ — ВЕРОЯТНО, СОСЕДНЕ). 23 ИЮНЯ 1943 Г.

Уважаемая Варвара Николаевна!

29 апреля с/з у меня кончился срок договора с организацией, в которой я работал в течение пяти лет и теперь я имел бы возможность держать постоянную связь с интересующими меня лицами, но посланные в начале мая и июня четыре телеграммы на разные адреса моих родственников остались на сегодня без ответа.

Последние письма я получил от сестры Марии и Ольги Александровны, писанные ими в августе 41 года. В них сообщали мне, что все три моих брата находились в действующей армии: Александр на южном фронте, Боря и Юрий на западном, что Мария живет и работает около Москвы, Ольга Александровна и Антонина Васильевна эвакуированы в Куйбышевскую область. О маме ни та, ни другая не обмолвились ни словом. Где она, что с ней — меня это беспокоит и мысли, «не умышленно ли о ней умолчали?», не покидают.

Война, начавшаяся два года назад, еще в то время разбросала в разные стороны всех моих родных и что было с ними тогда, все ли живы и здоровы были? Но с тех пор прошло уже два года. Что за это время могло случиться, страшно подумать. Моя неосведомленность о судьбах близких мне рождает мучительные предположения, не дающие душевного покоя.

Перебирая в своей памяти всех своих, к которым я мог бы обратиться с просьбой о помощи мне в установлении адресов моих родных, я решил написать Вам, надеясь, что Вы не оставите мою просьбу без внимания, наведете где нужно справки и сообщите мне.

Я работаю старшим бухгалтером центральных механических мастерских Чай-Урынского горнопромышленного управления. Считаю это временным, как и дальнейшее пребывание на Колыме, хотя возможности выезда в свои края пока нет. Все зависит от военной ситуации. Буду верить в хорошее окончание войны и скорую встречу со всеми родными и знакомыми.

Варвара Николаевна, еще раз прошу оказать мне содействие с адресами, сообщить мне хорошее и плохое, действительность как она есть, не умалчивая ни о чем, что Вам известно.

Мой адрес: Поселок Нексикан Хабаровского края ИРММ ЧУПТУ Хитрову К.Е.

23/VI — 43г. Хитров

(Конверт не сохранился. Имеется штамп: «Просмотрено военной цензурой. Магадан»)

К.Е.ХИТРОВ — Н.И.ХИТРОВОЙ И М.Е.ХИТРОВОЙ. 27 ИЮЛЯ 1943 Г.

Дорогие мама и Маруся!

Вчера для меня был несказанно счастливым день. Я получил одновременно Ваше письмо и Шуруну открытку.

Более пяти лет я имел от вас отрывочные и случайные сообщения о себе и ровно два года абсолютного никаких известий. Последний раз я читал Марусино и Ольги Александровны августовские письма 41 года, сообщавшие мне, что все братья на фронте, Маруся в Шелковском районе, Оля и Тоня эвакуированы и ни слова о маме. Это было осенью 1941 года. А наступившая мрачная действительность не предвещала, кажется, ничего хорошего. Оставшиеся без ответа несколько моих к вам телеграмм постепенно настроили меня на грустные мысли и воображение мое рисовало страшную картинку. Что могло случиться за эти два года с вами? Останется ли кто жив из близких мне? Подобные мысли не покидали и сверлили меня. Я уже как бы смирился с самыми худшими думами о вашей судьбе. А как же иначе? Что бы вы подумали о судьбе Бориса, не получив от него вести с января месяца по сей июль, зная, что он оборонял Сталинград? А я от вас все-таки тысячу тринадцать километров. Справки наводить трудно, да мое тогдашнее положение!

К моему счастью действительность жизни оказалась умней моей логики. Как сложится все дальше, трудно сказать. Буду надеяться на хороший исход войны; это вселяет в меня известную бодрость. Вы же себя берегите, меньше подвергайтесь опасностям.

Если бы вы знали, как мне хочется увидеть вас всех, расспросить о многом и самому кое-что рассказать. Ведь я ждал 43 год как год встречи с вами, а будет ли он таким? Полагаю, нет.

Вот уже три месяца, как я живу несколько по-иному предшествующего. Работаю в центральных ремонтных механических мастерских Чай-Урынского горно-промышленного управления ГУСАС на должности заместителя главного бухгалтера, считаю эту работу временной, как и свое пребывание на дальнем севере.

С 1 августа буду проходить военную подготовку. За все это время, конечно, я отстал от многого. Что знал, забыл, нового не изучал.

Здоровье мое, конечно, не то, что было раньше, но и уже не такое, чтобы жаловаться на него. Во всяком случае, я уже чувствую, что у меня есть сердце, легкие, а раньше я их как-то не замечал.

Михаила Смородкина потерял в 1939 году.

Жизнь у меня скучная и неинтересная. Мог бы рассказать многое, но именно рассказать, а не описать. Отложу все до встречи с вами.

Почему вы не пишете подробностей обо всем? Куда ранили Бориса? В каком чине Шура? Пришлите фотокарточки кого можно.

27/VII — 43 года

Мой адрес: Нексикан Хабаровского края ИРММ Хитрову

(Конверт: «Фряново Щелковского района Московской области. Хитровой Марии Евгеньевне // Нексикан Хабаровского края. ЦРММ. Хитров К.» На конверте штампель: «17.9.1943» и два штампа: «Просмотрено военной цензурой. Магадан» и «[Цензор] № 345. Нексикан. Хабаровск. кр.»)

К.Е.ХИТРОВ — Н.И.ХИТРОВОЙ И М.Е.ХИТРОВОЙ. 31 ИЮЛЯ 1951 Г.

Милые мама и Маруся, за тринадцать лет моего нахождения на Колыме я вам писем почти не писал и ограничивался ежегодной посылкой коротких телеграмм о том, что я здоров.

Я несколько раз вам сообщал, что скоро встретимся, скоро отсюда выеду. Но вся жизнь сложилась не так, как я думал устроить.

Первые пять лет моего пребывания здесь были тяжелыми годами. Многих людей, ехавших сюда, как я, до меня, со мной, после меня, уже нет. Моя молодость и здоровье в то время переборали все тяжелое.

<...>

Отбываю этот срок иначе и не похож на первый. Работаю по специальности. Кроме того, с 1948 г. в лагерях Дальстрой введены зачеты рабочих дней. Их дают только за отличную работу.

Я ими пользуюсь и рассчитываю через 1,5—2 месяца освободиться. Точно сказать не могу, будет зависеть, сколько дадут зачетов за II-ой квартал, июль и август (запаздывают с утверждением). Речь идет о конце сентября либо октябре месяцах. Ограничений в выезде, полагаю, иметь не буду. Люди освобождаются и выезжают. Так, думаю, поступлю и я.

Когда я работал по вольному найму, у меня были небольшие сбережения, нужные мне к выезду. Потом все это пропало. Я особенно не сожалел, лишь бы отсюда выехать здоровым. Когда я получил эти пять, меня сразу же по наряду затребовали в районную больницу на работу старшим бухгалтером. Там я работал ровно два года и потом меня передали работать в само управление, где и работаю поныне. Больница и управление находятся в пос. Сусуман. Этот поселок большой, является центром промышленных предприятий управления, расположенных от 3 до 350 км.

Хожу бесконечно, имею на руках пропуск. Питаюсь нормально, покупаю на свой заработок продовольствие. Зарплата здесь определяется заработком или должностным окладом вольнонаемного (в данном случае 1500 рублей) помножено на 0,5. Из этих 0,5 производятся вычеты налогов и стоимости довольствия и услуг. Вообще, я в него укладываюсь вполне.

На Колыме договорники и военные пользуются большими льготами. Через каждые 6 месяцев получают надбавки в размере 10 проц. к окладу. Проработал 5 лет — получает два оклада ежемесячно помимо больших отпусков, вознаграждений и прочих доплат. Такими льготами пользуются только договорники, к «лицам, нанятым на месте», это не относится, и, скажем, первая 10 проц. надбавка на меня (если я останусь работать) возникнет только через 4,5 года.

Этот отрезок времени я вам не сообщал о себе, боясь вас расстроить, а теперь, когда уже заканчиваю срок, я пишу, как оно есть. Полагаю и надеюсь, что в этом году со всеми вами встречу.

<...>

Прошла зима была особенно сурова. Такую я помню только в 38—39 году. Достаточно сказать, что с конца ноября по март м-ц морозы в Сусумане были выше 50 градусов. Все время и доходили до 63.

Правда, работая в разведке в районе мирового полюса холода около якутского поселка Оймкон, я переживал 90-градусный мороз, но он был не страшен тем, что продолжался 2—3 дня и потом тепло. Это лучше, чем все зима без отдышки сурова.

За все время на Колыме я не ходил в шубах и пальто. Здесь принято носить телогрейку, вот я ее носил и пошу, валенки, а ватные брюки не надевал с 1943 года. Конечно, это не значит, что я акклиматизировался, нет. Работаю в тепле, а на ходу не мерзну.

Буду работать на «материке» — буду одеваться.

<...>

Я заканчиваю писать. Пожить мне хочется настоящей жизнью, и я надеюсь, что все устроится.

Не знаю ваших порядков теперь. Вряд ли мне удастся жить около Москвы, во всяком случае первое время, но если выеду в этом году, то сразу приеду к вам.

Всего хорошего, желаю здоровья. Пишите обо всем. Как и где живут Борис и Юрий с семьями? Передавайте им привет от меня.

31/VII. 51 г.

(Конверт не сохранился)

К.Е.ХИТРОВ — Н.И.ХИТРОВОЙ И М.Е.ХИТРОВОЙ. 4 ДЕНАБРЯ 1951 Г.

Милые мама и Маруся!

Я вам сообщал телеграфом, что закончил свой срок 12 сентября. Сразу же подал заявление о желании уехать с Колымы. Мне ответили, что пошлю запрос в Магадан, где хранятся старые архивные документы, и оттуда должны через месяц — два дать указание о возможности моего выезда. После освобождения меня просили остаться работать по вольному найму на той же работе, в том же учреждении. Я согласился с условием, что меня не будут задерживать, если придется ехать. До середины ноября ответа не было, но я с 15/XI все же взял расчет с работы. Полагал, что вот-вот придет разрешение, а мне с передачей дел и всякого рода оформлением надо будет потерять неделю, а время такое, что навигация заканчивалась. И вот сейчас 4ое декабря, а ответа до сих пор нет, и я с 15/XI уже не работал. Теперь придется ждать весны. Решил дня через три устроиться снова на работу. Из освобожденных некоторые на «материк» не едут, боясь, что там на них снова наложат репрессию. Некоторые выехавшие, не побывавшие и нескольких дней, снова очутились или на Воркуте, в северных местах Красноярского края и даже обратно на Колыме, только уже как ссыльные или спецпоселенцы. Эта метаморфоза очень нежелательна, как, вообще говоря, и не нова.

Многих отъезжавших последнего года я и мои знакомые здесь просили писать нам: как они будут жить там, какое положение с местожительством, как с работой и т.д., но почти никто не пишет. Приходится жить на догадках и некоторых сведениях от приезжающих с «материка» из отпуска. Может быть, вам известно что о судьбах людей, прибывших из наших мест? Это для меня очень важно. У меня очень большое желание увидеться с вами всеми и показать себя, но я не должен не считаться с обстоятельствами.

Так или иначе, но для меня весьма важно получить разрешение на выезд. Вы могли бы мне помочь с разрешением на выезд. Моим братьям может быть и неудобно ходатайствовать, но ты, мам, могла бы написать, скажем, в МВД или Дальстрой (Спецотдел ЦТЛ гор. Магадан) и требовать возврата сына.

Колыма верна себе. Морозы уже стоят в 50 градусов и больше. Хочу попробовать на работу устроиться в Нексикане, это от Сусумана 25 км. Там геолого-разведочное управление. В Нексикане у меня есть хороший приятель. Знакомы с ним еще по Московскому институту. Приехал сюда он в 1938 г. Он женился на зубном враче поликлиники в Нексикане. Растет хороший сын. Я у него бываю.

Там или в другом месте на работу я поступлю без особых затруднений. Меня в этих краях знают как работника и специалиста. Мне только хотелось устроиться там, где приличные бытовые условия. Набедо жить кое-где и как-нибудь.

Купил себе приличный костюм и валенки. Вследствие ограниченности в выборе пришлось костюм купить большего размера, чем надо. Буду перешивать. Хочу купить и пальто. Но пока их не купит [прзб].

От вас получил деньги на вылет 500, еще раз 500 и 300. Все эти деньги положил на сберкнижку и они целы. При благоприятных условиях возможно, что они и пойдут по назначению — на вылет.

<...> Посылаю маленькую фотографию. Этот снимок был в день освобождения. Какие у вас дела, здоровье? Бывают ли во Фряново братья? Как они живут?

Я уехал от вас почти 14 лет назад, и столько же вас не видел. Прислали бы свои фотографии, посмотреть на вас. Но пока до свидания. Пишите по адресу: Сусуман Хабаровского края до востребования

4/XII — 51 г.

(Конверт: «Авиапочта. Фряново Щелковского района Московской области. Хитровой Марии Евгеньевне // пос. Сусуман Хабаровского края. Хитрову К.Е.» На конверте штампель получателя: «Щелково Моск. Обл. 27.12.1951»)

<...> — Письма печатаются с незначительными купюрами.

режили все ее беды и радости и учителя, работавшие в школе. В нашем архиве сохранились Книги приказов с 1951 года, когда директором школы была Клавдия Иосифовна Орлова, замечательный человек и педагог.

Более двадцати лет проработал в школе, ныне покойный, Константин Евгеньевич Хитров, где он был директором с 1966 по 1981 год. Во время его директорства о Фряновской «Вечерке» часто писали в районной газете, так как школа рабочей молодежи постоянно занимала первые места в социалистическом соревновании среди вечерних школ села Трубино, поселка Момино, города Шелково. На базе школы часто проводились районные семинары и совещания.

<...> Сам Константин Евгеньевич запомнился всем как мудрый наставник и прекрасный педагог. Он многому научил своих коллег, жил их заботами, помогал сотрудникам в трудные минуты их жизни. Талантливый математик и физик, Константин Евгеньевич был репрессирован в 1938 году за выступление на молодежном диспуте в студенческие годы. После смерти Сталина его реабилитировали, и Хитров приехал во Фряново, где работал сначала учителем, а потом директором школы. Его школу руководителем прошли многие директора школ: Т.А. Мартынова, Л.А. Денникова, С.А. Шибалова, Е.В. Левина.

Физик, учитель физики! Репрессированный в 1938 г.!

Указанные на сайте контактные данные, однако, вели уже в никуда: означенную школу летом 2013 г. ликвидировали, присоединив к Шелковской открытой школе. Скоро, видимо, не будет и самого сайта. Иными словами, Интернет приоткрыл нам лишь узенькую щелочку и на очень короткое время!

Но ниточка уже появилась, и я начал с указанного на сайте мобильного номера Любови Константиновны Черновой — последнего, как оказалось, директора этой школы. Сама она не знала Хитрова, но много слышала о нем. В разговоре с ней наметились точные импульсы и адреса дальнейшего поиска, наиболее многообещающими из них оказались — и оказались — Шелковское району (руководитель Татьяна Геннадьевна Кувырталова) и Фряновский краеведческий музей (главный хранитель Екатерина Евгеньевна Чернова).

Кстати, в оставшееся временно бесхозным помещение закрытой школы въехал именно этот музей. Уже в силу одного этого в нем обнаружилась небольшая коллекция материалов, связанных с Хитровым, — даже картина «Осень», написанная Хитровым, но не Константином, а Александром, его старшим братом, преподавателем живописи⁵.

Константин Хитров до Колымы

Константин Евгеньевич Хитров родился 17 марта 1914 г. в селе Спас-Клепики к северу от Рязани. Его отец Евгений Михайлович был преподавателем словесности в местной церковно-учительской школе, первым и любимым учителем поэта Сергея Есенина⁶.

Репрессия у Хитрова какая-то многоэтажная. Сажали его дважды — в 1936 г. и 1938 г., и оба раза за антисоветскую агитацию, причем за одну и ту же! Впервые его арестовали еще в 1936 г., 26 апреля. Он тогда проживал на подмосковной станции Окружная, улица Верхние Лихоборы, 32, и учился на первом курсе педагогического института.

Областной следователь Марков «шил» ему и еще троем студентам «профашистские разговоры» — «антисоветскую группу» и «антисоветскую агитацию», то есть статьи 58.10 и 58.11. Но другой следователь, младший лейтенант ГВ Смирнов, не найдя связи между Хитровым и остальными, 7 июня переквалифицировал его дело в отдельное производство № 578⁸. Зато само следствие он провел наступательно: трое свидетелей дали показания против Хитрова, пересказывая его речи на занятиях политехкружка. Он-де сравнивал по-

литику Гитлера, разрывающего государственные договоры, с политикой Ленина в 1918 г. (свидетели Малявин и Шнейдерман), сетовал на малость стипендии и иронизировал по поводу слов Сталина о том, что жить стало веселей, зато очень хвалил Гитлера (свидетель Владимирский, повторивший это и на очной ставке с Хитровым). 10 июня дело Хитрова было передано Смирновым в спецколлегию Мосгорсуда. Однако суд под председательством В.Ф. Подылова, состоявшийся 6 сентября 1936 г., счел обвинение недоказанным и оправдал Хитрова!

27 апреля 1938 г., спустя ровно 2 года и 1 день после первого ареста Хитрова, уже третьекурсника, арестовали вновь. Вбросив в следствие новых свидетелей (в частности, Трофимова и Кулакова) и обвинения в террористических высказываниях в адрес руководителей партии и правительства, а также сооставление договора между СССР и Монголией с гитлеровскими аннексиями, Хитрова на этот раз осудили. Принимают работничка, Колыма!

На Колыме

На Колыме Хитров отбыл не один, а целых 3 срока: самый первый — 5 лет — истек 29 апреля 1943 г., второй — тоже 5 лет — достался совсем легко, даже без суда: не спросив его мнения, страна просто оставила его, номинально свободного человека, на Колыме — в силу обстоятельств военного времени, а третий — и снова 5 лет — ему впаили в начале 1948 г.

О первой «пятилетке» он отзывался так — «тяжелейшие года»: «Многих людей, ехавших со мной, как я, до меня, со мной и после, уже нет. Моя молодость и здоровье переборол все тяжелое⁹. В какой-то момент Хитрова взяли на работу в бухгалтерию¹⁰ механических мастерских Чай-Урьинского горнопромышленного управления в поселке золотодобытчиков Нексикан, что на правом берегу реки Берелех в Сусуманском районе (тогда — Хабаровского края, сейчас — Магаданской обл.). Ох, и суровые же это места — с чередованием вечных дня и ночи, с морозами за 50° и даже за 60°! Они вдохновили Хитрова на такое описание колымской природы в одном из писем во Фряново: «Кругом однообразные сопки, покрытые снегом. Мороз настолько силен, что когда дышишь ртом, раздается какой-то звенящий шум, похожий на звук, издаваемый пустой стеклянной банкой, в которую дуют. Организация теплого жилья это основной вопрос на Колыме. Топящаяся печка — колымская поэзия. Зимой здесь даже звери не живут, волки и те убегают на юг <...>¹¹».

О второй «пятилетке» сам Хитров пишет так: «...С 1943 по 1948 год я работал по вольному найму в тайге, вдалеке от жизненных центров. <...> В военное время отсюда почти никого не отпускали, потому же я много раз настойчиво обращался к начальству с просьбами и требованиями об отпуске меня с работы и выезде в центральные районы страны. Мне все обещали: вот вот едет замена. Весной говорят — поедешь осенью, осенью — в начале навигации следующего года. Меня обманывали, и, следовательно, я вас обманывал¹²».

Видимо, Хитров достал НКВД своими обращениями, и на него составляли дело, надолго снимавшее вопрос об отпуске его «с работы и выезде в центральные районы страны». Хитрова судили вместе с начальником крупного разведрайона

за то, что они прикрыли начальническую материально-хозяйственной части этого управления, ограничившись списанием с него причиненного ущерба и снятием с работы, но не передав дело в органы. По 109-й статье — злоупотребление служебным положением — партийному начальнику дали год, а беспартийному бывшему зэку — пять.

Всю свою третью «пятилетку» Хитров отработал бесконвойно, старшим или главным бухгалтером — первые 2 года в Сусуманской райбольнице, а третий — там же, в геолого-разведывательном управлении. Зарботок (примерно 750 руб. в месяц) рассчитывался в полноту от оклада вольнонаемного, но на сравнительно нормальное питание этого хватало. Тем не менее, в 1950 г. Хитров тяжело болел крупозным воспалением легких. От неправильной дозировки раствора хлористого кальция при уколе образовался некроз руки, долго не проходивший, но потом зажило.

С учетом всех зачетов за отличный труд пять лет «истекли» 12 сентября 1951 г., но необходимые бумаги из Магадана, понятное дело, задержались, и Хитрову пришлось еще раз зимовать на Колыме. Зимой он провел снова в Нексикане, устроившись по вольному найму в местное управление, где его хорошо знали и где жил его приятель, знакомый еще по московскому институту.

После Колымы

Вернувшись из своей 15-летней «отлучки», Хитров с отличием закончил физико-математический факультет Московского педагогического института и начал работу во Фряновской вечерней школе рабочей молодежи. В том же институте вместе с ним учился его колымский друг, ставший впоследствии литератором и кандидатом педагогических наук, — Борис Алексеевич Лозовой (1915—1976), редактор издательства «Молодая гвардия» и автор книг «Золотая Колыма», «Верность», «Азимут» и др.¹³

Педагогами были и Хитрова близкие: сестра, Мария Евгеньевна, работала завучем Фряновской школы, а жена, Мария Андреевна (1923—2005), учителем русского и литературы там же. Пока Хитров изучал Колыму, и его братья, и его жена воевали. У Хитровых родились двое детей: сын Александр и дочь Наталья. Сам К.Е. Хитров умер 12 июня 1983 г.

Ветераны-учителя, вспоминая Хитрова, отмечали его скрытность: интересный собеседник, интеллигентный человек, но о себе говорил редко, не любил фотографироваться и даже на общих школьных фотографиях отворачивался. Однажды с глазу на глаз учительница химии спросила его: «За что посадили?» Он рассказал: «За вопрос, заданный на лекции по истории в институте «Чем по отношению к СССР сейчас является Монголия?». Увели его в эту же ночь в 4 часа утра. На допросах он не признавал вины и все не мог понять, за что, почему его арестовали, что такого особенного он спросил?

Было ему тогда всего 24 года. А отсидел он (считая и жизнь в статусе номинально вольного человека) более 15 лет.

Так что инкогнито тут было двойным, двусторонним.

Павел НЕРЛЕП

На снимке: Константин Хитров

1. Письма и фотография К.Е. Хитрова предоставлены его дочерью, Натальей Константиновной Мельниковой.
2. По некоторым сведениям, фамилия его писалась и так: Златинский. Он родился 2 июля 1903 г. в Одессе.
3. Мандельштам Н. Воспоминания. М.: 1989. С. 427—430.
4. См.: <http://smenschool.edu.site.ru/p8aa1.html>
5. У К. Хитрова была старшая сестра Мария (1902 г.р.) и трое старших братьев — Александр (1904 г.р.), Борис (1905 г.р.) и Юрий (1910 г.р.).
6. В есенинском музее в Константиново выставлен первый сборник «Радуница» с дарственной надписью Хитрову-старшему.
7. Сохранились и два следственных дела: ГАРФ. Ф. Р-10035. Д. П-839 и П-49535 (соответственно, за 1936 г. и 1938 г.).
8. Во время следствия коллективное дело имело № 361.
9. В письме родным от 31 декабря 1951 г.
10. Сначала старшим бухгалтером, потом заместителем главного бухгалтера.
11. Из письма родным от 19 ноября 1943 г.
12. В письме родным от 31 декабря 1951 г.
13. Иногда они встречались втроем и предавались воспоминаниям — Хитров, Лозовой и Цховребов, о котором, кроме фамилии, ничего не известно.

КНИГИ «ВОЗВРАЩЕНИЯ»

➤ Продолжение. Начало на с. 1

ник Ледяного похода, выживший в Галлиполи, в эмиграции, страстно рвущийся на Родину. Издание было приурочено к 120-летию со дня рождения С. Эфрона.

Корней Чуковский. «Тараканище» — книга с прекрасными иллюстрациями Насти Сайфулиной и статьей внучки автора Елены Чуковской «Тень будущего». Многие считали, что «Тараканище» — пародия на Сталина, однако сказка написана в 1921 г., когда автор о Сталине вообще не слышал. Но искусство чувствует предпосылки заранее. Еще нет того, кто отбрасывает тень, но тень будущего уже видна. Вот почему эта сказка издана в ряду наших гулаговских книг.

Лидия Головкова. «Где ты?» Лидия — поэт, художник, исследователь ГУЛАГа, Член Союза художников РФ, главный редактор многотомника «Бутовский полигон», автор замечательных альбомов о Сухановской тюрьме, о спецобъекте «Коммунарка». Но книги ее издавали только мы, начиная с первой — «Тихая обитель». «Где ты?» — документальный роман о Большом терроре, о людях той эпохи. Вопрос, вынесенный в заглавие, обращен к тем, кого среди бела дня или — чаще — ночью увели из дома, кто не вернулся из гостей, с работы, из командировки, кого тайно похитили на улице; это вопль тех, кто потерял своих близких и десятилетиями не знал об их судьбе. Книга вооружает читателя многочисленными фактами, в основном ранее неизвестными.

Александр Иотковский. «Не позволяй душе лениться». Замечательные воспоминания удивительного человека, ученого, офицера. Он был военным переводчиком, в конце войны попал в ГУЛАГ. В его архиве обнаружили две брошюры, изданные во время войны под грифом «Совершенно секретно» разведывательным отделом штаба Черноморской группы войск: «Справочник по национальным частям и легионам, действующим в составе 17-й немецкой армии» и «В помощь командиру разведчика». Обе они также вошли в сборник.

Юрий Шейнманн. «Перед самим собой». Автор — очень интересный человек, доктор геолого-минералогических наук. 1938—1944 гг. и 1949—1954 гг. провел в сталинских лагерях. В промежутке между двумя сроками защитил докторскую диссертацию. В 1954 г. на Колыме получил известие о полной реабилитации. Вернулся в Москву. Занимался наукой, около 20 лет проработал в экспедициях, обнаружил ряд крупных месторождений. В книгу вошли его воспоминания, письма, путевые очерки и рассказы, а также воспоминания его дочери, коллег и учеников. Книга интересна глубокими рассуждениями о жизни ученого.

Бен-Цион Даган. «Мы из восставшей Лавхи». Воспоминания о восстании узников гетто в 1942 г. в еврейском местечке Лавха Брестской области Белоруссии. Многие узники это восстание спасло. Но все-таки силы были неравны... Автор рассказывает о судьбе 14-летних мальчишек, чудом спасшихся из гетто Лавхи. Это книга о еврейском сопротивлении, продолжение темы, начатой в труде «Собирор» (2010 г.), — о единственном успешном восстании, организованном в лагере смерти советским военнопленным Александром Печерским.

Сейчас Общество бывших узников ГУЛАГа «Возвращение» собирает средства на издание книги Георгия Демидова «От рассвета до сумерек».

Герой рассказа «Житие инженера Кипреева» Варлама Шаламова — реальный человек, заключенный колымских лагерей, инженер, изобретатель Георгий Демидов.

С третьего курса физико-химического факультета Харьковского университета его забрал в свою лабораторию академик Лев Ландау. Тогда же юноша получил первый патент на изобретение.

В 1938 г. Демидов был арестован и осужден на 8 лет колымских лагерей, а затем — второй лагерный срок вместо освобождения, обещанного за создание на Колыме цеха по восстановлению перегоревших электрических лампочек.

Он и не думал быть писателем — увиденное и пережитое вытолкнуло его в литературу.

Первыми, кто оценил писательский потенциал Георгия Демидова, были литературоведы из КГБ. Ему предложили членство в Союзе писателей, квартиру в Москве, дачу за сочинение повести о комсомольцах-добровольцах, патриотах страны советов. Он с усмешкой отказался. Ну что ж, не захотел по-хорошему — в августе 1980 г. в 5 городах, у его дочери и лагерных друзей устроили обыски и изъяли все написанное и перепечатанное им (в ту пору еще не было множительных аппаратов, а на пишущей машинке можно было отпечатать не более 5 копий). В ту же ночь сгорел садовый домик Демидова со всеми оригиналами и черновиками.

В 1987 г. Георгий Демидов скончался, не увидев ни одной своей строчки опубликованной.

В 1988 г. его дочери Валентине Георгиевне удалось при содействии секретаря ЦК, «отца перестройки» А.Н. Яковлева вернуть рукописи из архивов КГБ.

Но лишь в 2008—2010 гг. наше издательство «Возвращение» смогло опубликовать рассказы и повести Демидова в трех книгах с предисловиями Маризтты Чудаковой. После этих книг можно не сомневаясь сказать, что Георгий Демидов — один из крупнейших писателей XX в.

Ныне дочь Демидова передала издательству «Возвращение» первую из трех книг автобиографического романа «От рассвета до сумерек». Этот роман создавался в ту же пору, что и лучшие рассказы писателя.

Георгий Демидов практически не знал учения. События начала XX в., предшествовавшие захвату власти большевиками, увиденны глазами феноменально одаренного и памятливого подростка из семьи квалифицированного рабочего. Подобных книг в русской литературе нет.

Роман Демидова подготовлен к печати и будет выпущен не позднее мая 2014 г. Вы можете помочь публикации романа, заказав его сегодня. Стоимость одного экземпляра, добротно изданного, — 250 руб.

В Москве книгу можно будет заказать и получить в киоске при **Российской государственной библиотеке** (бывшая библиотека им. Ленина): 1-й подъезд, слева, с понедельника по пятницу с 14:00 до 20:00, в субботу с 14:00 до 19:00. Можно обратиться непосредственно в издательство, тел.: (499) 196-0226, e-mail: vozvrashchenie@bk.ru

В регионах книгу можно получить путем перечисления 250 руб. за экземпляр на счет общества «Возвращение». Реквизиты:

РБОУ МИЛО «Возвращение», ИНН 7734022890, р/с 40703810238200100507 в ОАО Московский банк Сбербанка России г. Москва, БИК 044525225, корсчет 3010181040000000225.

Назначение платежа: За книгу: Г. Демидов «От рассвета до сумерек». По указанному в квитанции полному адресу (с индексом) будет выслана книга с оплатой Вами только почтовых расходов.

О выходе книги Демидова и других изданиях можно узнать на сайте издательства: www.vozvrashchenie-m.ru

ГУЛАГ, ГУСМП И ОСВОЕНИЕ АРКТИКИ

В прошлом году Правительство РФ разработало программу социально-экономического развития территорий российской Арктики, подготовленную для реализации подписанной Президентом России Стратегии развития Арктической зоны РФ. Предполагается, что строительство и модернизация морских портов на Северном морском пути, организация единой транспортной, телекоммуникационной, информационной и энергетической сети позволят возобновить комплексное освоение Крайнего Севера.

Но период настоящего освоения Арктики пришелся на 1930–1950-е гг., когда на арктическом побережье появилась вся необходимая инфраструктура — порты, аэропорты, полярные станции, гидрографические базы и т.д., — которая позволила превратить его в «нормально действующую судоходную магистраль», выполнив тем самым задание XVIII съезда ВКП(б). Для этого в декабре 1932 г. было организовано ГУСМП — Главное управление Северного морского пути, которое до своей реорганизации в 1954 г. и окончательного исчезновения в 1971 г. занималось хозяйственной деятельностью на участке от Карских Ворот до порта Провиденция.

Новая реальность

Именно ГУСМП — организатор таких ярких событий, как спасение челюскинцев, высадка первой в мире дрейфующей («папанинской») станции «Северный полюс-1», высокоширотный рейс «Садко» в 1935 г., создание лучшей в мире сети полярных станций, воздушные экспедиции В.С.Молокова в 1935 г., И.И.Черевичного в 1941 г., В.Ф.Бурханова в 1954 г. и так далее.

По иронии судьбы, именно на 1930–1950-е гг. — период впечатляющих успехов в освоении Арктики — приходится и самый мрачный период истории СССР — период репрессий. На Севере появились не единичные ссылки, а новые социальные слои — заключенные (з/к) и их охрана. За Северным полярным кругом, в тундре в разное время действовали 34 исправительно-трудовых лагеря (ИТЛ) разной численности «контингента» и разной длительности существования — от нескольких месяцев до почти четверти века (печально известные Норильлаг и Воркутлаг).

Первым из «островов» «архипелага ГУЛАГ» была Вайгачская экспедиция ОГПУ, созданная 13 июля 1930 г. и закрытая в 1936 г., последним — Березовский ИТЛ в Мурманской области, открытый 14 августа 1954 г. и закрытый 26 декабря 1956 г. Кроме того, существовали мелкие лагпункты, о которых пока не найдены упоминания в архивах, и об их существовании свидетельствуют только развалины барачных, разведочных траншей и «память места», сохранившаяся в сознании местных жителей, названиях урочищ и так далее.

Численность з/к в заполярных лагерях в 1932 г. (когда было создано ГУСМП) не превышала тысячи человек. К 1941 г. она увеличилась до 231 тысячи, к 1944 г. сократилась до 77 тысяч — за счет отправки неполитических заключенных в действующую армию и повышенной смертности в военные годы, а к 1951 г. возросла до 302 тысяч человек. Это практически равно современному населению крупнейшего города за Полярным кругом — Мурманска (в 2010 г. — 307 257 человек) и во много раз превышало число местных жителей. Четко выделяются несколько периодов резкого (на порядок) увеличения численности з/к: 1937–1938 гг. — от 9,2 тысячи до 23 тысяч человек; 1939–1941 гг. — от 29,5 тысяч до 231,3 тысячи человек; 1948–1949 гг. — от 135,5 тысяч до 292,9 тысячи человек.

Лагерь организовывались не в случайных местах, а там, где требовалась дешевая рабочая сила. Очевидно, что заключенные внесли огромный вклад в освоение Арктики, и вклад этот практически безымянный, ибо основная масса строителей не персонифицировалась. До сих пор одна из главных лагерных строек — Норильский комбинат — остается и одним из важных источников пополнения бюджета страны.

В середине 1930-х гг. деятельность ГУСМП достигла максимального размаха. В 1936 г. в его

ведение была передана практически вся хозяйственная деятельность в Арктике. До злосчастной навигации 1937 г., когда в Арктике зазимовал практически весь транспортный и ледокольный флот (кроме «Ермака»), что послужило затем поводом к арестам большой группы руководителей ведомства, в его подчинении находились не только флот, авиация и полярные станции, но и культбазы, фабрики, собачьи питомники, судверфи, угольные шахты, геологические партии и разведки, тепличные хозяйства, рыбные промыслы, оленеводческие совхозы, рыбозаводы и так далее. К 1937 г. «империя ГУСМП» располагалась не только на арктическом побережье и островах, но и занимала обширные территории в Восточной Сибири, Южной Якутии и Иркутской области в верхнем течении р. Лены. В

т.д. Для экономии места мы сняли все ссылки на эти материалы, оставив только кавычки при цитировании конкретных архивных дел. Хозяйственно-экономические связи ГУЛАГа и ГУСМП включали в себя использование рабочей силы ГУЛАГа при строительстве объектов ГУСМП, наем работников для треста среди расконвоированных з/к или освобожденных и лишенных права выезда. Так, в 1935–1936 гг. при добыче плавикового шпата в Амдерме, на шахтах Вайгачского горнорудного треста ГГУ (горно-геологического управления) ГУСМП использовалась рабочая сила, предоставленная ГУЛАГом, которую потом заменили на вольнонаемных.

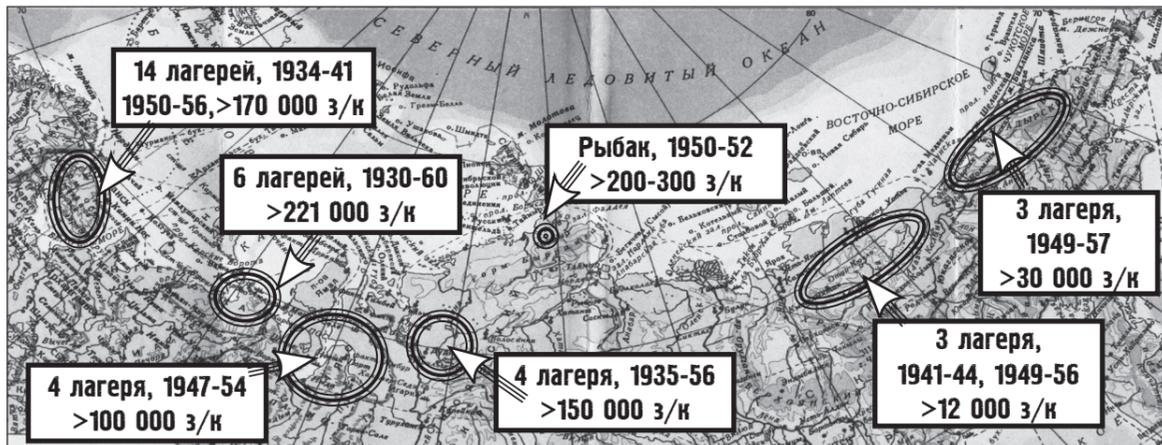
В первой половине 1935 г. один человек-день рабсилы ГУЛАГа стоил Вайгачскому тресту ГУСМП 6 р. 92 к., а во второй половине —

то именно ему поручили весной 1941 г. построить крупный радиоцентр в Хабарове. Начались подбор кадров, поиск аппаратуры, которой не хватало, так как все заводы были загружены военными заказами. Руководство ГУСМП 10 января 1941 г. пишет письмо заместителю начальника ГУЛАГа НКВД СССР Г.М.Орлову: «...на основании личной с Вами договоренности о необходимости строительства в 1941 г. радиостанции Хабарово прошу Вас оформить предоставленные средства в сумме 3000 тысяч рублей...» Почему-то ГУСМП просит денег у ГУЛАГа. Почему? Не потому ли, что уже принято решение о строительстве порта в Югорском Шаре и железной дороги к нему силами ГУЛАГа, которому требуется радиостанция и ее поручено построить ГУСМП, которое может принять на себя закупку, доставку и монтаж всего оборудования, постройку зданий, но... «при условии выделения... рабочей силы, обеспеченной временным жильем...» А какая у ГУЛАГа рабочая сила? Известно, какая...

И действительно, 12 марта 1941 г. для строительства порта, судоремонтного завода и железной дороги создано даже 2 лагеря — Заполярный и Югорский, куда до конца года этапировано, по разным данным, от 5 до 14 тысяч заключенных.

Но, видимо, руководству ГУСМП стало «неинтересно», если можно так выразиться, строить радиоцентр в Хабарове, и оно приняло решение передать все это строительство (так и неосуществленное) ГУЛАГу, передать ему проект, все полученные материалы и имущество. Если ГУЛАГу понадобятся специалисты, то ГУСМП их предоставит.

АРКТИЧЕСКИЙ ГУЛАГ

Хабаровском и Приморском краях предприятия ГУСМП соседствовали с предприятиями треста НКВД «Дальстрой».

Поэтому понятно, почему должность одного из заместителей начальника ГУСМП О.Ю. Шмидта в 1935–1936 гг. занимал М.Д.Берман, начальник ГУЛАГа и переселенческого отдела НКВД. Очевидно, Берман должен был координировать взаимодействие ГУЛАГа и ГУСМП по использованию потенциала рабочей силы ГУЛАГа для нужд Главсевморпути и осуществлять программу «колониализации» Севера спецпереселенцами и заключенными, освобождающимися из лагерей на условиях вербовки на Север вместе с семьями.

Связи ГУСМП и ГУЛАГ

О достаточно тесных связях ГУЛАГа и ГУСМП можно говорить достаточно уверенно. На это указывают многочисленные упоминания (впрочем о лагерных объектах почти не говорится), найденные нами во множестве документов из фонда ГУСМП, хранящихся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ, фонд 9570). Это отчеты полярных станций, геолого-разведочных и изыскательских экспедиций, горных предприятий, бухгалтерские и инвентаризационные ведомости и

13 р. 34 к. Увеличение связано с тем, что с 1 августа ГУЛАГ ликвидировал в Амдерме и в поселке Варнек на о. Вайгач свое хозяйство и передал их тресту. С этого момента на баланс треста перешло питание как всех лишенных свободы, так и значительного аппарата управления лагеря, III отдела НКВД, ВОХРы, КВО (культурно-воспитательного отдела), т.е. все расходы на содержание лагеря легли на трест, и стоимость человеко-дня увеличилась вдвое.

О тесных деловых связях ГУЛАГа и ГУСМП в первой половине 1930-х гг. свидетельствуют многие детали. Так, в 1935 г. скот передан тресту, а «...фураж и молоко оставлены за ГУЛАГом. Скот комбинатский, а молоко и фураж ГУЛАГовские... Рыба ГУЛАГа, а тара наша...» Первое время в тресте: «Кладовщики НКВД все без исключения лишены свободы... В прошлом году (1934 г. — Примеч. авт.) весь руководящий состав, за исключением 3 или 4 человек, был не вольнонаемный. Главный инженер был заключенный и т.д.» По итогам 1935 г. начальник комбината С.Ф. Сидоров выписал «...премию индивидуальную членам ИТР рабсилы ГУЛАГа».

Так как Вайгачский трест ГУСМП был единственной крупной хозяйственной организацией на Югорском полуострове,

Вопрос проясняется письмом другого папанинца — П.П.Ширшова (тогда — первого заместителя начальника ГУСМП) Орлову от 20 мая 1941 г. о том, что средств на строительство его ведомству не выделено и поэтому ГУСМП отказался от него, согласившись с необходимостью строить силами ГУЛАГа.

Аналогичный пример — передача ГУЛАГу в 1949 г. Каменского уранового месторождения на Таймыре (лагерь Рыбак), которое ГУСМП собиралось осваивать само, получая для этого, естественно, большие ассигнования.

Из многочисленных воспоминаний геологов известно, что расконвоированные заключенные широко использовались в качестве рабочих в геологических партиях ГУСМП. Руководство лагерей в соответствии со специальной инструкцией всегда предпочитало посылать туда не 58-ю статью, а уголовников и бытовиков, но потребность в людях с квалификацией была слишком велика. Заключенные П.В.Виттенбург, К.Г.Войновский-Кригер и Н.Н.Урванцев, очень крупные ученые, успешно возглавляли геологические подразделения соответственно на Вайгаче, в Ухте, Воркуте и Норильске.

Расконвоированные и ссылочнопоселенцы составляли основной контингент рыбаков в рыбацких поселках в Западной Сибири,

на Таймыре и в Якутии. На побережья Обской губы, Енисейского и Пясинского заливов, в Северную Якутию, Республику Коми были отправлены в основном немцы, латыши, литовцы, эстонцы и калмыки. Выброшенные на пустынные тундровые берега, они составили основное население многочисленных поселков, занимаясь рыбной ловлей и промыслом морского зверя. В период репрессий население арктических районов увеличилось и существенно превышало численность местного населения.

Кроме поселков, сохранялись и «рыботочки» — отдельные избы. Так, в зимовье Западного Голомо к северу от Диксона долгие годы промышлял сосланный участник сопротивления Красной армии латыш К.К.Берзкалн, его избы и много лет спустя называли «Карлова изба». Автографы хозяина и его товарища Л.Р.Ансонса сохранились на бревнах. Из расконвоированных з/к числом около 50 человек состояло основное население рыбацкого поселка Мыс Входной в дельте Пясины, где располагался ОЛП Норильского комбината. Пойманную рыбу отправляли на фронт, рыбакам запрещалось ее брать под угрозой уголовной ответственности.

Но ГУСМП пыталось разобраться с правами ссылочнопоселенцев. Когда стало возможно поднимать эти вопросы («трудпереселенцы» к тому времени жили на арктических побережьях уже 8 лет, с 1937 г.), начальник отдела труда и зарплаты ГУСМП М.Мезинов отправил 30 июня 1945 г. запрос начальнику переселенческого отдела НКВД СССР. В ответ ему сообщили, что с начала 1945 г. договоры «на трудовое использование спецпереселенцев отменены. Спецпереселенцы, работающие в предприятиях и организациях Главсевморпути, пользуются всеми правами наравне со всеми рабочими и служащими, за исключением права выезда с места поселения». Но при этом в разъяснении самого Мезинова Управлению арктического флота и портов ГУСМП от 7 августа 1945 г. говорится, что трудовой стаж в Арктике спецпереселенцам до их восстановления в правах не засчитывается. То есть их труд был в значительной степени рабским.

Практика использования з/к на погрузочно-разгрузочных работах в морских и речных портах была обычной, именно они составляли основной контингент грузчиков в Дудинке (главном порту Норильлага) и в портах восточного сектора Арктики — Амбарчик, Певек, Провиденция. Последние входили в зону влияния Дальстроя. Большая часть грузов доставлялась в эти порты судами ГУСМП, и в ходе погрузочно-разгрузочных работ происходило непрерывное взаимодействие работников ГУСМП, заключенных и, естественно, охраны.

При погрузках-разгрузках возникали не только экономические, но и социальные отношения. В первой половине 1930-х гг. иногда они были весьма доброжелательными. 2 декабря 1934 г. на полярную станцию Югорский Шар «...прибыли двое заключенных из Амдермы по поручению нач. Езеева (Егеев Г.Т. — Примеч. авт.) с просьбой снабдить их радиоаппаратурой, библиотекой и т.п. Все, что возможно, было отпущено» (начальник станции П.В.Васильев).

Из рейсовых отчетов капитанов видно, что попытки сбегать на судах ГУСМП были достаточно обычны, особенно в 1930-х гг. Скупыми фразами они описывали обнаружение на борту «зайцев», которых передавали куда следует. На востоке заключенные в ходе перевозок именовались «контингент Дальстроя». Суда ГУСМП, точнее, суда Северного, Мурманского и Тихоокеанского (Дальневосточного) пароходств, взятые в чартер ГУСМП для перевозки грузов и гражданских пассажиров в дальнюю Арктику, ис-

пользовались для перевозки з/к в основном в начале—середине 1930-х гг. Например, уже упоминавшийся А.Ф. Штейнберг отмечал 14 сентября 1933 г., что «...в 20 часов, приняв на борт академиков (группу ученых из Академии наук — примеч. авт.) и партию з/к в 40 человек...», пошли в Варнек. Потом появился специализированный «гулаговский» флот, прежде всего, в системе Дальстроя.

25 июня 1941 г. пароход «Сахалин» (капитан П.Ф. Харламов) принял на борт в Находке более 1700 з/к, 350 из которых этапировались в

особое положение. Вот приказ начальника полярной станции острова Белого в 1934—1935 гг. И.А.Сидорина, одного из самых ответственных начальников станций.

«Приказ № 11 от 19.11.34 г.
§ 1. Сегодняшний предночной визит восьми туземцев, среди которых один с фамилией, которая в прошедшем году фигурировала как кулацкая, противосоветская — является подозрительным по цели. Чтобы предотвратить возможность опасной неожиданности:

1. объявляю станцию на тревожном положении;

волюционную группу, которая ведет борьбу против руководства на станции... Отношения... с ним... у зимовщиков были не блестящими. Этого скрывать не приходится. В конце зимовки к нему нельзя было подойти совсем».

Другие искренне пытались разобратся и, высказав свое отношение, сами становились теми самыми «врагами». Начальники станций иногда в своих отчетах писали откровенные доносы:

Аэролог С.А. Петров «...часто прослушивал известия из Германии — фашистскую болтов-

Начальник того же Уэлена в 1936—1937 гг. на отчете в Управлении полярных станций 27 октября 1937 г. говорил о гидрофизике-ледоисследователе А.Д. Чаусове: «Чаусова взял наркомвнудел как троцкиста. На зимовке он не стеснялся говорил такие вещи...»; а сама станция Уэлен построена «вредительски начальником экспедиции Пурмалем».

И если для П.М. Пурмалю (1896 — после 1960 гг.), латышского стрелка, первого начальника Дирижаблестроя, все обошлось, то молодой ученый Чаусов 11 ноября 1937 г. спецколлегией Дальневосточного краевого суда по Камчатской области был приговорен к 5 годам ИТЛ.

Конфликт на полярной станции острова Домашний (Северная Земля) между работниками привел в августе 1941 г. к тому, что один из них тщательно собрал все высказывания начальника, опытного полярного радиста А.П.Бабича, и они способствовали его аресту, обвинению в измене родине и приговору к расстрелу, который после 75 суток, проведенных Бабичем в камере смертников, был заменен 10 годами заключения. В апреле 1946 г. Бабичу, уже в Забайкалье, дали новый срок — еще 10 лет. Их он не пережил и умер в июле 1950 г. (реабилитирован в 1965 г.). История А.П.Бабича подробно изложена А.И. Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ».

После неудачной навигации 1937 г., когда весь ледокольный и транспортный флот остались в Арктике на зимовку, в 1938 г. значительная часть руководства ГУСМП была репрессирована. Людей увольняли с работы, а затем арестовывали. Многие из попавших в эту волну арестов погибли в лагерях и тюрьмах: Р.Л.Самойлович, директор Арктического института; П.В.Орловский, начальник Гидрографического управления ГУСМП; Б.В.Лавров, строитель Игарки, начальник

немного ослабла к 1940 г. и снова усилилась в 1946—1947 гг., когда с началом «холодной войны» и широко развернувшихся по всей Арктике поисков радиоактивного сырья появились небывало жесткие требования к кадрам. Для работы на Севере требовались оформление специальных допусков, и как правило, «ненадежный» (семьи репрессированных, ссыльные, освободившиеся) контингент не мог работать ни в геологических партиях на инженерно-технических должностях, ни на полярных станциях. Так, весной 1947 г. по представлению Министерства госбезопасности был снят с должности начальник научно-исследовательского отдела ГГУ ГУСМП Виктор Михайлович Лазуркин (1910—1992 гг.) «за нарушение правил секретного делопроизводства». С 1948 г. он руководил отделом общей геологии НИИ геологии Арктики, но через полтора года органы вспомнили, что его родители были арестованы в 1937 г. (М.С.Лазуркин так и погиб в тюрьме, а Д.А.Лазуркина провела в заключении 17 лет) — и его снова уволили.

В 1948 г. И.С. Рудника, начальника партии, обнаружившей перспективные рудопроявления на Югорском полуострове, отстранили от работы, поскольку отдел «К» УМГБ по Ленинградской области отказал ему в допуске. И тогда замначальника ГУСМП А.Ларченко пишет 20 октября 1948 г. специальное письмо с просьбой допустить Рудника «...к проводимой им работе только в районе хребта Пай-Хой, не допуская его в дальнейшем в другие районы советского сектора Арктики».

Унижение и страх распространялись на все социальные слои. И только после смерти Сталина очень понемногу что-то «в воздухе» стало меняться. Недаром Ариадна Эфрон пишет из ссылки в Туруханске уже 21 сентября 1953 г.: «...жизнь постепенно становится легче... Настроение непло-

Амбарчик. 16 июля, придя в Певек, он выгрузил направленных сюда з/к и грузы. Партию заключенных, предназначенную для Амбарчика, Харламов хотел перегрузить на шедшего туда «Урицкого», но его трюмы «были забиты, везти же на палубе Дальстрой согласия не дал ввиду отсутствия у людей теплой одежды, а также за неимением места для размещения конвоя». 19 июля «Сахалин» пошел к устью Колымы. «Обстановка на переходе остров Айон — мыс Баранов была чрезвычайно тяжелой», — записывает Харламов. 25 июля судно пришло в Амбарчик и разгрузилось. Что таится за скупыми строками «Рейсового донесения»?..

Обычные работники ГУСМП, находившиеся непосредственно на арктических островах и побережьях, с з/к контактировали мало, в основном в ходе переездов к месту работы. Исключение — сотрудники аэропортов, летчики и моряки, а также работники полярных станций, располагавшихся в районе Вайгача—Амдермы, на Западном Таймыре, в ближних и дальних окрестностях Норильска и восточнее Колымы. Но и для них количество лагерей и заключенных часто было потрясением. Так, один из членов экипажа М.А.Титлова, который осенью 1950 г. эвакуировал с СП-2 раненого бортмеханика Н.Коровина, подлета к Сеймчану на Верхней Колыме, прошептал, видя, как один лагерь сменяется другим: «мать честная, да сколько же здесь народу мается».

Рабочих рук не хватало, и руководителям организаций ГУСМП приходилось брать на работу «контингент ГУЛАГа». Как правило, это были не сами з/к, а ссыльно-поселенцы или освобожденные. Так, знаменитый полярный радист, участник дрейфа станции «Северный полюс-2» К.М.Курко в своем отчете о зимовках 1947—1949 гг. отмечал: «Нередки случаи побега заключенных, иногда с убийством. В зиму 1948—1949 гг. был случай ограбления продсклада на туманной станции (на мысе Шелагском, — Примеч. авт.)... В зиму 1948—1949 гг. были случаи прихода на станцию беглых заключенных. Об этом было поставлено в известность руководство Дальстроя в Певеке. Начальник Чаун-Чукотского горнопромышленного управления дал указание выставить на станцию охрану».

В случае побегов или даже намеров на это на станциях объявля-

лось 2. 5 секторов обороны;

7. по тревоге дежурных все вскакивают с оружием и, маскируясь простынями, бегут на свои места».

Приказ № 14 от 27.11.34 г.

§ 3. Основываясь на радиограмме предокрисполкома, с сего числа тревожное положение отменяется.

Можно увидеть в этих приказах отголоски волнений на Ямале в 1934 г., когда ненцы вступились за несправедливо арестованных и обиженных соплеменников и сумели их освободить, за что затем были наказаны.

Социальные аспекты

Наличие нескольких социальных слоев в «арктическом обществе» — номенклатурных работников (начальники предприятий и организаций ГУСМП, руководство лагерей и лагпунктов), вольнонаемных сотрудников ГУСМП и ГУЛАГа, освобожденных, но лишенных права выезда, ссыльнопоселенцев и, наконец, самих заключенных — возвращало все слои этого общества. Стилетика лагерного быта и взаимоотношений переходила и на окружение лагерей, что отражалось даже на уровне языка. Проникшие именно в это время в разговорную речь слова «зона», «зэк», «шмон», «шухер», «баланда», «попка», «пахан», «общак» и многие другие широко используются до сих пор. Не случайно в известной произведении Аркадия и Бориса Стругацких «Пикник на обочине» (1972 г.) пораженная космическими пришельцами территория называется Зоной.

Царившая в те годы атмосфера жестокости и принуждения оставила заметный след в сознании поколений. И этот след не изгладился, увы, до сих пор. Действительно, чего можно ждать, если значительная часть активного населения сидит или сидела, а другая, не менее значительная, ее сажала и охраняла.

Стилетика «поиска врагов» проникла в самые отдаленные уголки Арктики — на труднодоступные полярные станции. Узнавая по радиопроцессам о показательных процессах 1936—1938 гг., работники станций не могли оставаться в стороне. Одни начинали поиск «врагов» на своей станции. Так, в бухте Тихой в 1935—1936 гг. «у начальника с партторгом по ряду вопросов были натянутые отношения и споры. Были они на почве политических разногласий...» Из выступлений зимовщиков стало ясно, что «...парторг... все время искал какую-то контрре-

ню (эту сторону вопроса ставлю открытым)» — из отчета начальника полярной станции Варнек в 1937—1938 гг. известного полярника С**;

Про магнитолога Н.А.Миляева, будущего участника сверхсекретного дрейфа СП-2 (то есть прошедшего специальный отбор), начальник станции Уэлен П** говорит на отчете, что «он прекрасный ценный работник, но неосторожный в политическом отношении», «человек не общественный»;

На новый год метеоролог К** с острова Домашний в 1936—1938 гг. «...проклинал товарища Сталина, носил его разными непристойными словами... называл Конституцию «проституцией»... писал Сталину, Ежову и Калинин, что кормят обещаниями, а не кормят продуктами». На отчете начальник станции вспомнил его отца, который был арестован еще в 1927 г., отправлен в ссылку и покончил с собой. Один из слушателей замечает: «...о К** надо сообщить куда следует».

Иногда упоминали уже пострадавших предшественников:

И.о. начальника полярной станции Баренцбург аэролог К** считает, что «...здание полярной станции в Баренцбурге построено в 1932 г. М.Э.Плисецким» (1899—1938 гг., расстрелян), «повидимому, вредительски» — в плохом месте, рядом с котельной.

«Нордвикстроя»; С.В.Бергавинов, начальник полуправления ГУСМП, и многие, многие другие. На настоящий момент выявлено около 1500 репрессированных «покорителей Арктики». Иным повезло — они провели долгие годы в заключении и вышли живыми во многом потому, что сумели продемонстрировать свою квалификацию гулаговскому начальству (Н.И.Евгенов, Н.Н.Урванцев, М.М.Ермолаев и их коллеги). Естественно, что информация об этих процессах совершенно сбивала с толку рядовых работников ГУСМП, еще недавно рукоплескавших орденосцам и/или работавших под их руководством.

Репрессии коснулись всех уровней «работников советского Севера» — от глав управлений и региональных трестов до уборщиц и машинисток. Обстановка напряженности и недоверия в ГУСМП

хое, радуют и радио, и газеты, и все как-то легче и радостнее себя чувствуют, это очень ощутимо».

**Сергей ЛАРЬКОВ,
Федор РОМАНЕНКО**

На снимках: Остатки строений Югорлага на мысе Белый Нос (пролив Югорский Шар). Фото Ф.А.Романенко, 1990. Кладбище заключенных, погибших во время восстания в Воркуте 1 августа 1953 г. Фото Е.В.Гаранкиной, 2007.

При подготовке текста использованы: Волович В.Г. Полярные дневники. М.: Паулсен, 2010. 551 с. Каневский З.М. Загадки и трагедии Арктики. М.: Знание, 1991. — 192 с. Куваев О.М. Территория. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1984. — 240 с. Ларьков С.А., Романенко Ф.А. «Враги народа» за полярным кругом. М.: Паулсен, 2010. — 424 с. На пути к недрам Арктики. СПб: ВНИИОкеангеология, 2003. — 201 с. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. — М.: Звенья, 1998. — 599 с. Туруханские письма. Ариадна Эфрон—Алла Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. — 232 с. Документы из фонда ГУСМП (РГА.Ф. 9570. Оп. 2-5)

АПРЕЛЬСКИЕ И МАЙСКИЕ ХРОНИКИ

1919. 12 апреля

Декретом ВЦИК РСФСР было утверждено «Положение о революционных трибуналах», которое явилось попыткой упорядочить сеть чрезвычайных судебных органов, складывавшуюся полустихийно. С этого момента их следовало создавать преимущественно в губернских центрах. «Положение о революционных трибуналах» подтверждало их «ничем не ограниченное право в определении меры репрессий».

1924. 21 апреля

Постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) была утверждена комиссия ЦК ВКП(б) по проверке выездов за границу. Партийные органы всех уровней осуществляли жесткий контроль за выездом советских граждан за рубеж вплоть до 1988 г. Все граждане СССР, включая беспартийных, в том числе выезжающие по личному приглашению или в турпоездку, должны были предварительно получить характеристику-рекомендацию партийного бюро той организации, где они работали, а затем утвердить ее в районном комитете партии. Граждане, выезжающие в служебные командировки в капиталистические страны, кроме того, проходили собеседование в ЦК КПСС. В 1970-е гг. необходимость получения партийной характеристики распространилась и на школьников, включая первокурсников.

1929. 23–29 апреля

На XVI конференции ВКП(б) был осужден «правый уклон» в партии и названы его сторонники — глава советского правительства А.Рыков, председатель исполкома Коминтерна и редактор газеты «Правда» Н. Бухарин и председатель ВЦСПС М.Томский (все трое — члены Политбюро ЦК ВКП(б)). Внутрпартийная борьба между группами Сталина—Молотова—Кагановича и Бухарина—Рыкова—Томского закончилась победой Сталина, который в конце 1929 г. был провозглашен вождем партии.

1939. 15 апреля

В Москве был расстрелян Дмитрий Иванович Шаховской — ученый-историк, общественный деятель, один из основателей и лидеров созданной в 1905 г. Конституционно-демократической партии (кадетов). В ходе следствия он был вынужден написать заявление с признанием собственной вины в контрреволюционной деятельности, но отказался давать показания о какой-либо нелегальной работе и свидетельствовать против других лиц.

1944. апрель

Советская армия вступила на территорию сопредельных государств (Румынии, Чехословакии). Правительство СССР сделало заявление, что вступление армии не преследует цели изменения их государственного строя. Однако территории, присоединенные к СССР в 1939–1940 гг., оставались за Советским Союзом.

1954. 15 апреля

Президиум ЦК КПСС принял Постановление о реабилитации лиц, осужденных по «Ленинградскому делу». Это дело было инициировано в 1949 г. секретарем ЦК ВКП(б) Г.М.Маленковым на объединенном пленуме Ленинградского обкома и горкома партии и привело к полному разгрому руководства города и области, а также к арестам выходцев из Ленинграда в ЦК ВКП(б) и Совете министров СССР. Всего по «Ленинградскому делу» было репрессировано более 2 тысяч пред-

ставителей ленинградской номенклатуры, из которых около 200 человек были расстреляны.

1964. 17 апреля

В СССР состоялись помпезные торжества по случаю 70-летия главы советского государства Н.С.Хрущева. Одновременно верхушка ЦК КПСС готовила заговор против «дорогого Никиты Сергеевича» (апологетический фильм с таким названием был выпущен к юбилею Хрущева).

1969. 13 апреля

В Риге у обелиска Свободы студент Илья Рипс совершил попытку самоубийства, разорвав плакат «Свободу Чехословакии». Он был арестован и отправлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу. В 1972 г. Рипс эмигрировал в Израиль.

1974. 25 апреля

Ефим Эткинд, ленинградский ученый, профессор Ленинградского педагогического института им. Герцена был уволен с работы. Ученый совет института ходатайствовал о снятии с него ученых степеней доктора и кандидата наук. В тот же день Эткинд был исключен из Союза писателей СССР. Основанием для справки с ученым послужила справка КГБ о дружбе Эткинды с А.И.Солженицыным, хранении им рукописи «Архипелага ГУЛАГ» и участии в подготовке самиздатского пятитомника стихов Иосифа Бродского.

1979. 27–28 апреля

Пятеро политзаключенных, отбывавших сроки в советских лагерях, — Георгий Винс, Александр Гинзбург, Марк Дымшиц, Эдуард Кузнецов и Валентин Мороз — были вывезены на самолете в Нью-Йорк. В аэропорту им. Кеннеди политзаключенные были обменены на советских сотрудников ООН Черняева и Энгера, осужденных за шпионаж на территории США.

1984. 4 апреля

Умер Петр Леонидович Капица — один из величайших физиков XX века. С 1921 г. по 1934 г. Капица работал в Кембридже под руководством Э.Резерфорда. В 1934 г. во время гостевого визита на родину он был против воли оставлен в СССР и до 1964 г. оставался «невъездным». Капица руководил созданным им институтом физических проблем, ставшим в 1950–1970-х гг. одним из центров независимой культурной и общественной жизни Москвы. Он постоянно обращался к руководителям СССР, начиная со Сталина, с предложениями о большей открытости советского общества, писал личные письма в защиту А.Д.Сахарова.

1989. 9 апреля

«Кровавое воскресенье» в Тбилиси. В этот день войска разогнали многодневный оппозиционный митинг с требованием выхода Грузии из СССР, что привело к гибели 19 человек. Тбилисские события повлекли за собой резкое усиление центробежных тенденций в национальных республиках и ускорили распад СССР. Разгон митинга стал переломным моментом, и ровно через 2 года, 9 апреля 1991 г., лидер национального движения Звиад Гамсахурдиа, будущий президент Грузии, объявил о восстановлении независимости Грузии.

1994. 26 апреля

Вышел указ президента РФ «О восстановлении справедливости в отношении репрессированных

в 1920–1930-е гг. представителей якутского народа», который снял обвинения по делу так называемой Младо-якутской национальной советской социалистической партии середнячко-бедняцкого крестьянства конфедералистов.

1919. 5 мая

В Петрограде умерла от воспаления легких Вера Ивановна Засулич — революционерка, одна из основательниц РСДРП, непримиримая противница большевизма в целом и лично Ленина.

1929. 24 мая

ОГПУ опубликовало коммюнике о расстреле (без суда, по постановлению коллегии ОГПУ) инженеров П.И.Пальчинского, Н.К. фон Мекка и А.Ф.Величко (1879–1929), начальник секции планового управления НКПС. Они обвинялись во «вредительстве» в золото-платиновой промышленности. П.И.Пальчинский — видный общественный деятель, крупнейший русский инженер, профессор Горного института, председатель Российского технического общества, бывший анархист. Подвергался арестам в 1917, 1918, 1922 и 1928 гг. Во время высылки видных представителей интеллигенции в 1922 г. отказался покинуть страну.

1934. 27 мая

ЦИК СССР принял Постановление об амнистии части раскулаченных крестьян, в соответствии с которым кулаки-спецпоселенцы, ранее лишенные ряда гражданских прав, восстанавливались в них в индивидуальном порядке. Большинство раскулаченных оставались в ссылке еще 20 лет — до смерти Сталина.

1939. 3 мая

М.М.Литвинов был снят с должности народного комиссара иностранных дел СССР. Этот пост по совместительству занял глава советского правительства В.М.Молотов. Отстранение Литвинова, приверженца антифашистской политики и еврея по национальности, было небезосновательно расценено Гитлером как сигнал решительного поворота во внешнеполитическом курсе СССР. Начались секретные контакты между Советским Союзом и Германией, подготовившие пакт Молотова—Риббентропа.

1944. 11, 23 мая

Государственный комитет обороны СССР выпустил постановление о поголовном выселении крымских татар из Крыма в Узбекскую ССР по обвинению в измене Родине в период оккупации Крыма гитлеровцами и об упразднении Крымской АССР. За 2 дня была выселена 191 тысяча человек.

1949. 23 мая

Советские оккупационные войска прекратили блокаду Западного Берлина, продолжавшуюся почти

год. Летом 1948 г. командование советской военной администрации в Германии объявило о том, что железнодорожное и автомобиль-

ное сообщение между Западным Берлином, где находились войска США, Великобритании и Франции, и Западной Германией прекращается «ввиду ремонта путей сообщения». Это было попыткой путем блокады Берлина вынудить власти западных держав принять советские требования по управлению городом и поставить его под контроль СССР. Однако правительства США, Англии и Франции поддерживали население Берлина и блокированные в городе гарнизоны с помощью воздушного моста. Попытка Сталина и советского режима быстро «решить проблему» капиталистического города, расположенного в центре государства, строящего социализм, провалилась. Берлинский кризис резко ухудшил общественное мнение об СССР в западных странах и ускорил объединение земель западной зоны оккупации в Федеративную Республику Германию (ФРГ), которое состоялось в мае 1949 г. Западный Берлин стал автономным самоуправляемым городом.

1954. 3 мая

Александр Твардовский прочитал на расширенном заседании редакции журнала «Новый мир» свою сатирическую поэму «Теркин на том свете». Поэма, где покойный Сталин и созданный им госаппарат описывались как царство мертвых, была запрещена цензурой и стала одной из причин снятия Твардовского с поста редактора «Нового мира». Почти 10 лет она распространялась в Самиздате.

16 мая

Началось крупнейшее в истории ГУЛАГа кенгирское восстание заключенных. В течение 40 дней (до 25 июня) заключенные 3-го отделения Особого Степного лагеря, расположенного в Казахстане, удерживали власть в зоне. После смерти Сталина у заключенных появилась надежда, что новые власти в Москве облегчат тяжелую лагерную жизнь. Но легче не становилось. В конце концов недовольство заключенных вылилось в открытый мятеж. Восставшие бастовали, взяв лагерь под свой контроль, но требовали от администрации соблюдения их прав и наказания виновных в незаконных расстрелах.

1959. 14 мая

Московский городской суд осудил группу молодых рабочих и студентов из Подмосковья. Ю.Машков, А.Богачев, Н.Григалашвили, Н.Бацулло, В.Цехмистер и В.Попов создали подпольную группу и пытались организовать типографию для издания антисоветских листовок. Раскаявшиеся и признавшие свою вину Н.Бацулло и В.Попов получили 2 и 3 года. Остальные участники группы получили максимальный срок — 7 лет.

1964. 15 мая

Московский городской суд рассмотрел дело рабочих Юрия Гримма и Абдулбари Хасянова, распространивших в Москве (ноябрь 1963 г.) около 500 листовок с критикой Хрущева и требованием его смещения. Гримм был признан невменяемым и направлен на принудительное лечение в Ленинградскую СПБ, Хасянов приговорен к 4 годам лагерей.

1969. 20 мая

В Москве было объявлено о создании Инициативной группы по защите прав человека в СССР. В нее вошли Г.Алтунян, В.Борисов, Т.Великанова, Н.Горбаневская, М.Джемилев, С.Ковалев, В.Кра-

син, А.Лавут, А.Левитин (Краснов), Ю.Мальцев, Л.Плющ, Г.Подъяпольский, Т.Ходорович, П.Якир, А.Якобсон. Был обнародован первый документ группы — письмо в Комиссию ООН по правам человека с просьбой рассмотреть вопрос о нарушении в Советском Союзе права иметь и распространять независимые убеждения. Деятельность группы продолжалась более 7 лет, большинство ее членов были арестованы или принуждены к эмиграции.

1974. 7 мая

Трое московских ученых — математик Т.Великанова, биолог С.Ковалев и лингвист Т.Ходорович — передали иностранным журналистам 3 выпуска правозащитного бюллетеня «Хроника текущих событий» (№ 28, 29 и 30) и взяли на себя ответственность за его распространение. Ранее, в 1968–1972 гг. «Хроника» издавалась и распространялась анонимно. На состоявшемся в августе 1973 г. суде над П.Якиром и В.Красиным «Хроника» была признана «антисоветским» и «клеветническим» изданием. после выхода 27-го выпуска, издание было приостановлено. Причиной тому был шантаж со стороны КГБ, который открыто угрожал, что каждый новый выпуск станет причиной арестов, причём вовсе не обязательно арестованы будут именно те, кто этот выпуск делал.

12–14 мая

В Орловском городском суде слушалось дело московского филолога и архивиста Габриэля Суперфина, которого обвиняли в «антисоветской агитации». Суперфин участвовал в редактировании «Хроники текущих событий», перепечатал и передал на Запад тюремно-лагерный дневник приговоренного к смертной казни за попытку угона самолета Э.Кузнецова, редактировал книгу английского советолога П.Реддавэя «Неподцензурная Россия», написал и опубликовал на Западе рецензию на собрание сочинений О.Мандельштама, «клеветнически» высказывался о Горьком и Шолохове. Габриэль Суперфин подтвердил эти факты, но отказался признать себя виновным. Приговорен к 5 годам лагерей и 2 годам ссылки. В 1983 г. эмигрировал в Германию.

1979. 15–16 мая

Москворецкий районный суд г. Москвы по надуманному уголовному обвинению в хищении библиотечных книг приговорил к 5 годам ссылки Владимира Ильича Сквирского — геолога, правозащитника, коллекционера магнетиздата, одного из основателей Свободного межпрофессионального объединения трудящихся.

1989. 21, 25 мая

Первый грандиозный митинг оппозиции прошел в Москве. В нем приняли участие около 200 тысяч человек, в том числе академик А.Д.Сахаров и Б.Н.Ельцин, избранные народными депутатами СССР. Открылся I Съезд народных депутатов СССР. Его заседания транслировались по телевидению в прямом эфире.

1999. 19 мая

Депутаты Государственной думы предприняли попытку начать процедуру импичмента президента Б.Н.Ельцина. Одним из пяти обвинений против него было развязывание и ведение первой чеченской войны. Для начала импичмента не хватило нескольких десятков голосов.

Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», «Московский Мемориал»

Газета издается Информационным агентством MEMO.PY

Адрес: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12, редакция
Тел. приемной: (495)699-1180
Тел. редакции: (495)699-6478
E-mail: 30october@cknot.info

В подготовке номера принимали участие: Г.В.Кузовкин, Я.З.Рачинский

Главный редактор Г.С.Шведов
Выпускающий редактор Н.В.Савельичева
Литературный редактор Л.М.Алексеева
Корректор Г.В.Заславская
Верстальщик В.А.Ходина

Газета «30 октября» зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Рег. № ПИ 77-1783 от 29.02.2000. © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Апрель — май 2014. Отпечатано в ООО «ОМНИТРЕЙДИНГ»
119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 30. Тираж — 5000 экз. Распространяется бесплатно